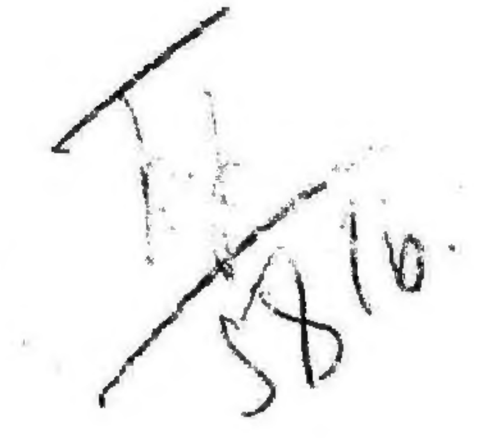
Н. Боголюбовъ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(Историко-психологическій очеркъ).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.
1905.

Отдѣльные оттиски изъ №№ 20—22 ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1905 г.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ) [1].

1-го мая 1904-го года исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Алексѣя Степановича Хомякова. Не по мотивамъ досужаго историка, охотно стирающаго пыль вѣковъ со всякой давно забытой гробницы, не въ качествѣ и любителя—психолога, съ интересомъ всматривающагося въ духовный ростъ всякой личности, я стараюсь воспроизвести предъ читателемъ образъ Алексѣя Степановича Хомякова. Интересы спеціальнаго знанія мнѣ въ данномъ случаѣ чужды. Вспомнить личность, родившуюся 100 лѣтъ тому назадъ, вспомнить ея живыя чувства и думы меня побуждаютъ вопросы и нужды современной жизни. Мысли, продуманныя въ свое время Алексѣемъ Степановичемъ, могутъ помочь намъ разрѣшить вопросы, которые и въ настоящую минуту не менѣе настоятельно требуютъ себѣ разрѣшенія. Дѣло Хомякова, его взгляды еще не стерты временемъ, они не сдѣлались еще исключительнымъ достояніемъ архива; напротивъ, въ настоящую минуту его слово можетъ встрѣтить даже болѣе горячій и болѣе разумный откликъ, чѣмъ въ свое время.

Хомяковъ первый открылъ положительныя начала русской жизни, уяснилъ ихъ и поставилъ предъ мыслящимъ сознаніемъ въ качествѣ живыхъ началъ.

---

1) Источникомъ и главнымъ пособіемъ при составленіи настоящаго очерка служили „Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова". Изд. 2. Москва 1878 и изд. 3. Москва. 1900; Завитневичъ. А. С. Хомяковъ. (Труды Кіевской Духовной Академіи. 1898—1901).

Память же о такихъ лицахъ, которые умѣли отыскать дѣйствительныя, истинныя начала, созидающія жизнь, отыскать положительныя сѣмена жизни среди всевозможныхъ наслоеній и наростовъ, подъ которыми они скрываются въ повседневной житейской сутолокѣ, выдѣлить ихъ и поставить отчетливо предъ разумнымъ сознаніемъ людей—память о такихъ лицахъ навсегда должна остаться въ народѣ живой; эти лица всегда будутъ производить благотворное вліяніе.

Каждый человѣкъ, старающійся жить осмысленно,—рано или поздно,—но всегда неизбѣжно сталкивается съ дѣйствительной жизнью и ея обычнымъ теченіемъ; и это столкновеніе во многихъ случаяхъ завершается полнымъ банкротствомъ со стороны человѣка, нерѣдко человѣка, богато одареннаго и много, повидимому, обѣщавшаго. Замѣчая несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни своимъ идеальнымъ стремленіямъ, человѣкъ начинаетъ видѣть въ ней одни отрицательныя явленія, одни уродливости, и эти уродливости своей массой, своимъ безчисленныхъ количествомъ давятъ его; онъ не находитъ для себя здоровой атмосферы и вслѣдствіе этого гибнетъ. А между тѣмъ дѣйствительная жизнь таила въ себѣ положительные зародыши, воспринявши которые, онъ могъ бы развиться и усовершенствоваться, гибнетъ слѣдовательно потому, что не обладалъ болѣе чуткой душой и болѣе острымъ зрѣніемъ. Такое явленіе можетъ произойти даже съ очень талантливою личностью. Вотъ почему такія лица, какъ Хомяковъ, остаются въ качествѣ руководителей долгое время, и съ каждымъ поколѣніемъ ихъ образъ все болѣе и болѣе растетъ, ихъ слово становится болѣе живымъ и могучимъ, ихъ думы и ихъ вопросы болѣе родственными ихъ отдаленнымъ потомкамъ, чѣмъ ихъ современности

Конецъ первой половины и начало второй прошедшаго столѣтія занимаетъ литературная дѣятельность Алексѣя Степановича [1]). Это время навсегда останется въ исторіи самосознанія русскаго народа знаменательной эпохой.

---

[1]) Алексѣй Степановичъ родился 1-го мая 1804 года въ Москвѣ на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Всполье. По отцу и матери, урожденной Кирѣевской, онъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянскому роду.

Только что прозвучала, чаруя все русское общество, художественная пѣсня А. С. Пушкина. Какъ вѣяніе весны, она лилась свободно, легко, игриво; это была пѣсня начинающейся жизни, только что пробудившейся отъ долголѣтней зимней спячки. Бодрая, свѣжая, гармоничная, очаровательная даже въ своихъ наивностяхъ, какъ сама юность, она въ звучныхъ аккордахъ изливала свое торжество, славила радость жизни, свѣтъ солнца. Въ ней чувствовалось, что „съ улыбкой ясною природа сквозь сонъ встрѣчала утро года". Геній русскаго народа пробудился; обнаружилось его внутреннее богатство, его глубокая чуткость къ гармоніи, къ идеальной красотѣ. Между тѣмъ повседневная дѣйствительность представляла болѣе, чѣмъ ужасный видъ. Достаточно вспомнить, что въ это время Россія была еще крѣпостнической страной, что духъ крѣпостничества отравлялъ всю ея жизнь, чтобы понять, какъ глубоко долженъ былъ быть оскорбленъ такой дѣйствительностью геній народа, отразившійся въ поэзіи Пушкина, какъ онъ долженъ былъ быть стѣсненъ въ своемъ развитіи, и какъ тяжелы должны были быть его страданія. Понятно, какъ должно было это отозваться на духовномъ развитіи русскихъ людей. Двѣ личности изъ этой эпохи выступаютъ, какъ характерные и въ высшей степени любопытные примѣры того гибельнаго слѣдствія, которое производило отсутствіе сознанія живыхъ началъ русской жизни на нормальный расцвѣтъ талантливыхъ, богато одарённыхъ отъ природы натуръ.

Это—Гоголь и Герценъ. Первый не могъ оторваться отъ родной почвы; его художественный талантъ, какъ онъ отразился въ Вечерахъ близъ Диканьки, крѣпко соединялъ его съ русской душой, съ сердцемъ русскаго человѣка; онъ инстинктивно чувствовалъ здѣсь что-то дорогое, великое и въ высшей степени сильное. Вспомнимъ его обращеніе къ Руси. „Русь! Русь! Вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросано и неприютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто пустынно и ровно все въ тебѣ... Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается въ ушахъ немолчно

твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и широтѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца?... Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь-ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь"! Но онъ не могъ пробить своимъ взоромъ всю ту массу лжи, низости и самой обидной глупости, которая глубокимъ слоемъ обволакивала цѣнное, жизненное ядро русской жизни. Всѣ Сквозники-Дмухановскіе, Чичиковы, Коробочки, Плюшкины, Ноздревы безпорядочной, шумной толпой тѣснились предъ его воспаленнымъ сознаніемъ; они нагло смѣялись надъ нимъ. Ихъ были тысячи, они были—сила; онъ былъ одинъ, онъ чувствовалъ свою слабость предъ этой наглой толпой, и ему мелькало въ перспективѣ—или убаюкивать себя разгуломъ мечты и несчитающейся съ дѣйствительностью фантазіи (это ему, автору Ревизора), или заняться перепиской изреченій прописной морали (—ему—великому Гоголю).

Гоголь затихъ; его талантъ замеръ. Не одинъ разъ, несомнѣнно, изъ его груди исторгался тотъ раздирающій душу вопль, который онъ вложилъ въ уста своему сумасшедшему: матушка, спаси своего несчастнаго сына! Всѣмъ извѣстна трагическая фигура этого великаго поэта, сжигающаго 2-й томъ Мертвыхъ душъ. Что бы ни говорили досужіе невропатологи и психіатры или тѣ изъ историковъ литературы, которые любятъ освѣщать явленія попавшимися подъ руку анекдотами, всякій, вдумавшійся серьезно въ ходъ развитія Гоголя, придетъ необходимо къ тому убѣжденію, что эта живая, чуткая и богато одаренная личность замерла потому, что не могла увидать въ жизни положительныхъ, цѣнныхъ явленій; жить же смѣхомъ, а особенно смѣхомъ, соединяющимся съ горькими слезами, безусловно невозможно.

Герценъ пошелъ по другой дорогѣ. Онъ—не былъ поэтомъ; это былъ отвлеченный мыслитель; поэтому онъ менѣе, чѣмъ Гоголь, чувствовалъ своимъ собственнымъ сердцемъ необходимость держаться родной почвы... Художникъ своимъ непосредственнымъ чувствомъ понимаетъ, что народъ—нѣчто цѣлое, органическое, имѣющее всегда своеобразную характерную физіономію, что поэтому его жизнь нельзя измѣнить чисто внѣшними средствами. Отвлеченному же мыслителю это не такъ видно [1]). Вслѣдствіе этого Герценъ, замѣчая недостатки современной жизни, отказался отъ родной почвы и обратился къ западу, чтобы тамъ найти источникъ живой воды; тамъ формы жизни представлялись болѣе разумными, и жизнь поэтому болѣе свѣтлой. Но чѣмъ долѣе онъ жилъ на Западѣ, чѣмъ глубже вникалъ въ жизнь западныхъ народовъ, тѣмъ сильнѣе начиналъ сознавать, что формы жизни сами по себѣ ничто, что онѣ лишь служатъ проявленіемъ особаго начала, особаго духа. Но это начало, этотъ духъ—безконечно далекъ отъ сердца русскаго человѣка. Онъ не можетъ быть имъ удовлетворенъ, да онъ и не заключаетъ въ себѣ плодотворнаго зародыша, способнаго къ развитію.

„Намъ дома скверно, говорилъ онъ, ознакомившись съ западной жизнью. Глаза постоянно обращены на дверь, запертую, и которая открывается понемногу и изрѣдка. Ѣхать за границу—мечта всякаго порядочнаго человѣка. Мы стремимся видѣть, осязать міръ, знакомый намъ изученіемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложившійся вѣками, въ малолѣтствѣ поражалъ насъ... Русскій вырывается заграницу въ какомъ то опьяненіи—сердце настежъ, языкъ развязанъ—прусскій жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кенигсбергъ—свободнымъ городомъ. Мы видѣли и уважали этотъ міръ заочно, мы входимъ въ него съ нѣкоторымъ смущеніемъ, мы съ уваженіемъ попираемъ почву, на которой со-

---

[1]) Нашъ разсудокъ обыкновенно улавливаетъ формы бытія и не проникаетъ въ его сущность, въ то начало, которое проявляется въ тѣхъ или другихъ формахъ. Поэтому ему нерѣдко эти формы представляются самодовлѣющими. Въ нихъ онъ нерѣдко готовъ видѣть все; въ нихъ онъ вѣритъ и иногда доходитъ въ этой своей вѣрѣ до наивности.

вершалась великая борьба независимости и человѣческихъ правъ.

Сначала все кажется хорошо и притомъ такъ, какъ мы ожидали; потомъ мало по малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться, намъ недостаетъ пространства шири, воздуха, намъ просто неловко; со стыдомъ прячемъ мы это открытіе, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми европейцами—это не удается... Дѣло въ томъ, что мы являемся въ Европу со своимъ собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвлеченностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ, занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя. Все это вмѣстѣ составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ четвертей не видна издали, вблизи она постоянно предъ глазами".

„На челѣ блестящей европеской цивилизаціи Герценъ прочелъ выжженную надпись, ея „менетекелъ", и эта надпись: „мѣщанство". „Вся нравственность (на Западѣ), говорилъ онъ, свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвью новаго общества. Человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ". „Евангеліе (этой жизни) коротко: „наживайся, умножай свой доходъ, какъ песокъ морской, пользуйся, злоупотребляй своими денежнымъ и нравственнымъ капиталомъ, и ты сыто и почетно достигнешь долголѣтія, женишь своихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память". Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелѣе и невыносимѣе тамъ, гдѣ современное западное состояніе наиболѣе развито, тамъ, гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, образованнѣе, гдѣ промышленнѣе. И вотъ отчего гдѣ-нибудь въ Италіи или даже въ Испаніи не такъ невыносимо жить, какъ въ Англіи или во Франціи... И вотъ отчего гор-

ная, бѣдная Швейцарія—единственный клочокъ Европы, въ который можно удалиться съ миромъ".

Вотъ какія мысли и чувствованія пережилъ Герценъ, столкнувшись лицомъ къ лицу съ западной жизнью, ознакомившись съ ней не книжно, а на дѣлѣ. Герценъ пришелъ къ убѣжденію, что нужно искать истины не на Западѣ. Но нѣтъ уже силъ вновь собираться въ дорогу. Прежняя вѣра рушилась, былое увлеченье погасло печально. Увлечься вновь? но уже голову разукрасили сѣдины. Да и плодотворно ли увлеченіе, когда изсякъ пылъ въ крови? Герценъ затихъ въ равнодушномъ отрицаніи истины. Въ немъ осталась лишь одна глубокая, мучительная тоска по утраченнымъ идеаламъ, по разбившимся вѣрованіямъ. „Я уже не жду ничего, говорилъ онъ впослѣдствіи; ничто, послѣ видѣннаго и испытаннаго мною, не удивитъ и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніями былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и безсмысленно, какъ начало. А вѣдь, я нашелъ все, чего искалъ, даже признапіе со стороны стараго себядовольнаго міра—да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ своихъ вѣрованій, всѣхъ благъ... Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ послѣднемъ, въ остальномъ—приходили мнѣ въ голову слова: зачѣмъ я не взялъ ружье и не остался за баррикадой? Невзначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собой въ могилу еще два—три вѣрованія... Что же, наконецъ, все это штука? Все завѣтное, что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, исторія обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшіе".

Порой въ его тоскующее сердце нисходила вѣра, и его колоколъ вздымаясь звучалъ. „Я вѣрю, говорилъ онъ, въ способность русскаго народа, я вижу по всходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни—несознанное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла человѣческая мысль"; но больное, измученное сердце уже не могло открыть истин-

ной основы жизни русскаго человѣка. Герценъ вѣрилъ въ Россію лишь потому, что въ ней всѣми правдами и неправдами сохранилась поземельная община и признаніе права всѣхъ на землю [1]).

Это отсутствіе сознанія подлинныхъ началъ русской жизни, столь гибельно отражавшееся на развитіи даже талантливыхъ людей, и было восполнено Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ.

Вотъ его историческое значеніе, значеніе, признанное за нимъ самимъ Герценомъ (въ некрологѣ Хомякова). Онъ первый пробилъ своимъ взоромъ твердую кору лжи и глупости, облегавшую плотно дѣйствительность русской жизни, и увидалъ тотъ свѣтъ, который озаряетъ душу русскаго человѣка, питаетъ ее, вдохновляетъ къ работѣ; онъ первый усмотрѣлъ то органическое начало русской жизни, которое, какъ потокъ, по временамъ серебристой лентой извивается среди цвѣтущей равнины, порой скрывается изъ виду и течетъ тамъ, глубоко подъ земной корой, но который никогда не пересыхаетъ, да и не можетъ изсякнуть. Вотъ какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній объ этомъ:

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни, невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ (Ключъ).

Этимъ началомъ, питающимъ и озаряющимъ русскую жизнь, является, по ученію Алексѣя Степановича, вѣра русскаго на-

---

[1]) Подробнѣе см. о Герценѣ у С. Булгакова. Отъ Марксизма къ идеализму. СПБ. 1904, стр 161 и дал.

рода—православная, христіанская вѣра. Она—залогъ будущности Россіи, ея величія и мощи; она, постепенно проникая въ сознаніе народа, реформируетъ его жизнь и ведетъ ее къ лучшему. Всѣ шатанія, всѣ нестроенія, наблюдаемыя въ русской жизни, происходятъ отъ недостаточнаго, неполнаго и несовершеннаго проникновенія въ народное сознаніе этого начала. „Если можно характеризовать то, что я считаю нашей общей болѣзнью, писалъ Алексѣй Степановичъ граф. Блудовой,—я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонокъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ". Эта вѣра, какъ основа русской жизни,—не рядъ отвлеченныхъ положеній, холодно исповѣдуемыхъ мыслью человѣка; вѣра живое начало, которое, обрисовываясь ярко въ своемъ содержаніи предъ разумнымъ сознаніемъ человѣка, плѣняетъ его въ послушаніе себѣ, вдохновляетъ сердце и направляетъ волю къ плодотворной дѣятельности.

Вотъ дѣло Алексѣя Степановича Хомякова. Онъ далъ возможность русскому человѣку почувствовать свое внутреннее сокровище. Онъ извлекъ его изъ подъ спуда житейской лжи и мертвенной книжной учености и поставилъ его предъ разумнымъ сознаніемъ каждаго, какъ яркій свѣтильникъ на верху горы.

Знакомить съ біографіей Алексѣя Степановича я не намѣренъ. Я остановлю свое вниманіе на его внутренней жизни, дамъ очеркъ, если можно такъ выразиться, психологической біографіи этой личности.

Внѣшняя жизнь мыслителя обыкновенно красками не блещетъ; событій, приковывающихъ къ себѣ естественно взоръ, въ ней въ большинствѣ случаевъ нѣтъ. Тихо, незамѣтно, нерѣдко даже монотонно проходитъ жизнь мыслителя съ внѣшней стороны. Несомнѣнно, что многіе изъ жителей Кенигсберга, отлично знавшіе внѣшнюю жизнь своего соотечественника, великаго философа—Иммануила Канта, никакъ не могли себѣ представить, чтобы этотъ человѣкъ, жизнь котораго повидимому текла такъ тихо и спокойно, котораго они ежедневно въ извѣстные часы видѣли прогуливающимся по опредѣленному мѣсту, переживалъ внутри себя такъ много событій,

что подъ конецъ его мозгъ не вынесъ напряженной работы и отказался служить. Подъ черепомъ мыслителя, въ его сознаніи, въ его душѣ,—вотъ гдѣ скрывается его настоящая жизнь, и здѣсь она бьется необыкновенно интенсивно, здѣсь она развертывается во всю свою ширь, чаруя взоръ всякаго своимъ разнообразіемъ, своею ширью и глубиной. Только проникая въ эту область, мы видимъ, что за личность находится предъ нами. Только касаясь этой стороны жизни мыслителя, мы видимъ его въ настоящемъ свѣтѣ, видимъ дѣйствительныя переживаемыя имъ событія, видимъ его борьбу, его страданія, его опасныя положенія, видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и подлинныя черты его природы—его твердость, мужество, отвагу и беззавѣтное служеніе высшему идеалу.

Эти замѣчанія имѣютъ всю свою силу и въ отношеніи Алексѣя Степановича. Его внѣшняя жизнь слишкомъ несложна; по сравненію съ его внутренней жизнію событій въ ней очень мало. Въ виду этого я и не останавливаю на этой сторонѣ своего вниманія. Я постараюсь раскрыть, какъ послѣдовательно росла эта отъ природы богато одаренная личность, какъ страстно она усваивала всѣ впечатлѣнія, взгляды, вѣянія и идеи, бродившія въ окружающей жизни, какъ послѣдовательно увеличивался ея матеріалъ, какъ справлялась она съ этимъ разнообразнымъ матеріаломъ, какъ его обработывала, связывая и объединяя его нестройные и дисгармоническіе элементы, какъ все болѣе и болѣе расширялся ея умственный и нравственный горизонтъ, какъ свѣтлѣлъ ея взоръ, какъ, наконецъ, явился на свѣтъ Божій настоящій Хомяковъ, вдумчивый, глубокій мыслитель, вдохновляемый негаснущимъ огнемъ живой разумной вѣры и искренней восторженной любви къ своему отечеству. Тогда только мы поймемъ, кто былъ на самомъ дѣлѣ Хомяковъ, этотъ штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, жившій въ Москвѣ, на Собачьей площадкѣ, ходившій въ зипунѣ и мурмолкѣ,—этотъ забавный и остроумный собесѣдникъ, этотъ вольнодумецъ, заподозрѣнный полиціей въ невѣріи въ Бога и въ недостаткѣ патріотизма, этотъ неисправимый славянофилъ, осмѣянный журналистами за національную исключительность и религіозный фанатизмъ, этотъ скромный мірянинъ котораго

въ 1860 г. въ сѣрый, осенній день, на Даниловомъ монастырѣ, похоронили пять или шесть родныхъ и друзей, да два товарища его молодости, за гробомъ котораго не видно было ни духовенства, ни ученаго сословія, о которомъ чрезъ три дня послѣ его похоронъ Московскія Вѣдомости отказались перепечатать нѣсколько строкъ, писанныхъ въ Петербургѣ однимъ изъ его друзей [1]).

Такая біографія, во 1) цѣнна для пониманія міровоззрѣнія Хомякова, во 2) она и интересна, въ 3) наконецъ, она и небезполезна въ педагогическомъ отношеніи.

Вопросъ воспитанія въ настоящее время одинъ изъ жгучихъ. Очень часто слышатся нападки на школу и на воспитателей, даютъ имъ очень обширныя указанія, рисуютъ подробно идеалы, а между тѣмъ очень мало сознаютъ, что въ извѣстное время школа и не можетъ дать чего-либо прочнаго своему воспитаннику, что не она вовсе и виновна въ томъ, что онъ оставляетъ ее съ пустой и безсодержательной душой и съ измятымъ сердцемъ. Напомню одну глубокую мысль философа сѣдой древности—великаго Платона. „Или думаешь ты, говоритъ у него Сократъ, обращаясь къ одному изъ собесѣдниковъ, нѣкоторые юноши развращаются софистами, этими частными людьми, а не тѣми, которые берутся, какъ юношей, такъ и стариковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ воспитывать въ совершенствѣ и дѣлать ихъ такими, какими хотятъ"? Развращаетъ юность толпа, „когда она густыми массами засѣдая либо въ народныхъ сходкахъ, либо въ судилищахъ, либо въ театрахъ, либо въ лагеряхъ, либо въ какомъ иномъ многочисленномъ собраніи, съ великимъ шумомъ однѣ изъ рѣчей или дѣлъ бранитъ, а другія хвалитъ, и какъ то, такъ и это сопровождаетъ слишкомъ сильными криками, иногда рукоплесканіями. Къ тому же и стѣны и мѣсто, гдѣ она сходится, усугубляютъ шумъ, какъ порицаній ихъ, такъ и похвалъ. Какъ, думаешь ты, почувствуетъ себя юноша въ подобномъ сборищѣ? Или какое частное воспитаніе будетъ столь твердо, что онъ подъ вліяніемъ подобнаго порицанія или похвалы, не увлечется за толпой? Не станетъ-ли питомецъ называть по-

[1]) Ю. Самаринъ. Предисл. къ 2 т. Полнаго собр. сочин. А. Хомякова.

хвальнымъ и постыднымъ, что она, заниматься тѣмъ же, чѣмъ она, и не сдѣлается ли онъ самъ такимъ же [1])? Не станетъ ли, другими словами, воспитанникъ жить минутой, мимолетными вспышками мысли и настроенія, не задавитъ ли его душу эгоистическое, своекорыстное желаніе и не сдѣлается-ли онъ поэтому внутренно пустымъ и безсодержательнымъ? Въ настоящее время много дѣлаютъ для облегченія самообразованія, но очень мало даютъ средствъ и возможности для самовоспитанія. Современная литература почти сплошь заполнена типами развинченныхъ, недоразвившихся или переразвившихся дисгармоническихъ личностей. Поэтому теперь, на мой взглядъ, существуетъ настоятельная потребность въ психологической обрисовкѣ внутренней жизни личностей цѣлыхъ и гармоничныхъ.

II.

Основными фактами, опредѣляющими внутреннее развитіе человѣка, являются, во 1-хъ, способы ознакомленія человѣка съ окружающимъ его міромъ, точнѣе—съ идейнымъ міромъ, во 2-хъ, тотъ образъ или та модель, подъ вліяніемъ которой складывается его самосознаніе, созданіе имъ своего „я“; эти факты образуютъ основной фонъ душевной жизни; въ 3-хъ, наконецъ, элементы, составляющіе содержаніе душевной жизни. Зная эти факты, мы не затруднимся понять, на что направилась душевная энергія человѣка, или около чего сосредоточилась его внутренняя жизнь.

Къ изложенію этихъ основныхъ фактовъ, выясняя попутно причины ихъ образованія въ душѣ Алексѣя Степановича Хомякова, я теперь и перейду.

Первое, что бросается въ глаза при ознакомленіи съ личностью Хомякова—это своеобразный ходъ его развитія. Въ большинствѣ случаевъ развитіе человѣка идетъ не прямолинейно, а рѣзкими зигзагами; прежде чѣмъ сложится окончательное убѣжденіе, человѣкъ обыкновенно платитъ дань всевозможнымъ увлеченіямъ. Правда, если внимательно присмотрѣться къ этимъ увлеченіямъ талантливой личности, то бу-

[1]) Платонъ. Политика. Кн. 6. Перев. Карпова. Издан. 2-е. СПБ. 1863. Стр. 315—316.

детъ видно, что онѣ лишь временная вспышка, что въ нихъ далеко не проявляется природа личности сполна, что онѣ для личности то же, что мелкія царапины для массивнаго звучнаго колокола. Но какъ бы они ни были въ общемъ ничтожны и малы, все же они даютъ о себѣ знать; они, какъ обертонъ въ звукѣ, незамѣтны сами по себѣ, но, сливаясь вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнымъ аккордомъ, которымъ заключается ростъ личности, онѣ придаютъ ему своеобразную окраску, своего рода тембръ. То чувствуется въ окончательномъ міровоззрѣніи суровость мысли, настоящій холодъ ума, пережившаго многое, то слышится меланхолія—настоящая осенняя меланхолія: мысль свѣжа, кристаллически прозрачна, но въ ней нѣтъ уже былой силы, былого пыла.

Алексѣй Степановичъ напротивъ развивался прямолинейно; онъ не уклонялся со своего пути; его взглядъ лишь постепенно свѣтлѣлъ, горизонтъ его съ теченіемъ времени расширялся, захватывая въ свою область все большее и большее количество предметовъ. Вслѣдствіе этого его міровоззрѣніе, нося на себѣ отпечатокъ зрѣлаго ума, ума способнаго быстро оріентироваться въ самыхъ запутанныхъ изгибахъ мысли, въ то же время обвѣяно той свѣжестью, тѣмъ непосредственнымъ чувствомъ истины, которыя только свойственны юности. „Хомяковъ, говоритъ про него А. И. Кошелевъ, познакомившійся съ нимъ въ 1823 году, всегда былъ строгимъ и глубоковѣрующимъ православнымъ христіаниномъ". „Онъ никогда не вдавался въ заблужденія молодости, говоритъ Н. А. Мухановъ, познакомившійся съ Хомяковымъ въ 1824 году, жизнь велъ строгую, держалъ всѣ посты, установленные церковью, такъ что съ самыхъ юныхъ поръ онъ былъ, какимъ мы знали его въ позднее время".

Не значитъ это, конечно, что Хомякову его убѣжденіе досталось, какъ кладъ, безъ усилій и внутренней борьбы. Нѣтъ, но его усилія и борьба были борьбой здороваго организма противъ стороннихъ вліяній. Въ его душѣ былъ заложенъ основной ростокъ, и этотъ ростокъ при ознакомленіи Хомякова съ окружающимъ міромъ, какъ съ міромъ теорій, взглядовъ и идей, такъ и съ міромъ живыхъ личностей, остался цѣлымъ

и невредимымъ. Хомяковъ никогда не отдавался весь ни идеѣ, ни личности, прежде чѣмъ своей чуткой, впечатлительной душой не находилъ въ этой идеѣ или личности родственныхъ порывовъ, бьющихся въ униссонъ его собственнымъ задушевнымъ стремленіямъ. Эта черта въ высшей степени любопытна и характерна для Хомякова. Она проявляется у него даже въ чувствѣ любви, томъ чувствѣ, которому обыкновенно отдается человѣкъ, говоря просто, очертя голову. Въ петербургскомъ обществѣ во время пребыванія тамъ Хомякова въ 1827 году, царила, чаруя всѣхъсво ей красотой и умомъ, дѣвица Александра Осиповна Россети, впослѣдствіи по мужу Смирнова. Много пѣсенъ исторгла она изъ груди поэтовъ того времени, много темъ дала ихъ воображенію. Любовался ею и Хомяковъ, и онъ ей посвятилъ пѣснь, но очень своеобразную, такъ что муза за это очень неласково посмотрѣла на поэта. Вотъ эта пѣснь:

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь юга дышетъ въ ней:
Отъ розъ ей прелесть и названье;
Отъ звѣздъ полудня—блескъ очей.
Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ;
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятитъ.
Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэта радости и муки,
Поэта чистая мечта;
Пусть въ ней душа, какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадилъ,
Пусть ангелъ свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ;
Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса;
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса.

Пою ей пѣснь родного края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!
При ней скажу я: „Русь святая"!
И сердце въ ней не задрожитъ.
И тщетно лучъ живого свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятитъ любви своей.

Какъ видите, Хомяковъ внимательно всматривался въ Россети; она чаровала его, волшебной силой приковывала къ себѣ его взоры; но онъ не прямо, какъ искра, вспыхиваетъ; онъ создаетъ напередъ въ своей душѣ образъ дѣвы милой, возсоздаетъ правдиво и ярко; и чѣмъ рельефнѣе вырисовывается предъ нимъ этотъ образъ, тѣмъ явственнѣе слышитъ Хомяковъ и свою задушевную мысль, чувствуетъ въ то же время отчетливо диссонансъ между этимъ образомъ и струнами своей души, и его очарованіе прекрасной иностранкой не переходитъ въ страстное увлеченіе. Она приковала къ себѣ его взоры, но въ результатѣ онъ, благодаря этому, лишь ясно ощутилъ, насколько дорога, насколько цѣнна для него Россія и ея дикая краса.

Объясненіе этой черты Хомякова надо искать отчасти въ своеобразіи таланта, но главнымъ образомъ въ складѣ семьи, въ которой онъ родился, и подъ вліяніемъ которой началось его духовное развитіе.

Во многихъ случаяхъ, а въ настоящее время едва ли даже не преимущественно, семья не имѣетъ ничего типическаго и оригинальнаго; это старое зданіе, сквозь щели котораго пробираются самыя разнородныя вліянія. Естественно, что при такихъ условіяхъ физіономія дѣтской души быстро сморщивается; организмъ еще слабъ, а между тѣмъ ему приходится воспринимать самыя разнохарактерныя впечатлѣнія; они одолѣваютъ его, подавляютъ, и въ результатѣ выростаетъ человѣкъ, не чувствующій въ себѣ ничего устойчиваго и опредѣленнаго, представляющій изъ себя какой-то центръ чисто нервной впечатлительности.

Семья Хомяковыхъ въ этомъ отношеніи представляла изъ себя счастливое исключеніе. Это была дѣйствительная семья, маленькое общество, бодрое, крѣпкое, обладающее своей особенной внутренней жизнью. Главой этой семьи была мать— Марья Алексѣевна, урожденная Кирѣевская. Отецъ Алексѣя Степановича Степанъ Александровичъ не имѣлъ въ семьѣ большого вліянія. Это былъ стильный русскій баринъ. Образованный человѣкъ, очень усердно слѣдившій за всѣми „умоначертаніями", которыя проникали съ Запада въ высшіе слои русскаго общества посредствомъ литературныхъ произведеній, онъ очень не любилъ вдумываться во всѣ послѣдствія своихъ поступковъ. Вникать въ свои дѣйствія, раздумывать объ ихъ результатахъ, все равно какъ подсчитывать всѣ копейки въ хозяйствѣ—это казалось ему, какъ барину съ огромнымъ состояніемъ и съ широкимъ умственнымъ горизонтомъ, черной работой, исполнять которую онъ добродушно предоставлялъ другимъ. Добрый, гуманный Степанъ Александровичъ въ то же время былъ безхарактернымъ существомъ, жилъ онъ широко; состоялъ въ Москвѣ членомъ англійскаго клуба и въ качествѣ члена дѣятельно проигрывалъ свое состояніе. Разъ онъ проигралъ болѣе милліона рублей. Это обстоятельство, грозившее крахомъ всему состоянію Хомяковыхъ, послужило причиной размолвки между мужемъ и женой. Послѣ этого они жили врозь; Степанъ Александровичъ былъ отстраненъ отъ дѣлъ; все управленіе хозяйствомъ взяла на себя Марья Алексѣевна, и она спасла разстроенное долгами Степана Александровича состояніе, выростила и семью. Ей всѣ дѣти и обязаны своимъ воспитаніемъ.

Марья Алексѣевна была выдающейся личностью. Это была женщина, крѣпкая тѣломъ (дожила до 87 л.) и сильная духомъ. „Она была, по словамъ Алексѣя Степановича, хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли,

рѣдкая въ людяхъ позднѣйшаго времени". Это была женщина съ цѣльной самобытной натурой. Ея духовное существо не было ни разварено тѣмъ болѣзненнымъ мистицизмомъ, который, благодаря возродившемуся масонству, въ первой четверти прошлаго столѣтія широкой волной распространился въ высшихъ слояхъ русскаго общества; не было оно и придавлено тѣмъ режимомъ, который господствовалъ во второй четверти прошлаго столѣтія (1825—1855 г.) [1]. „Матушка, говорилъ про нее Алексѣй Степановичъ, имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя, конечно не совсѣмъ принадлежали тому вѣку, но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было и частнымъ ея дѣломъ. Она болѣла и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ".

Марья Алексѣевна влила въ душу своихъ сыновей (ихъ было двое: Алексѣй Степановичъ и старшій братъ Ѳеодоръ, умершій въ 1828 г.) чистую, живую струю нравственной силы. При этомъ вліяніе ея на дѣтей какъ женщины, было особенно благотворнымъ.

Выдающаяся женщина съ сильнымъ, твердымъ нравственнымъ характеромъ естественно все-же не то, что мужчина съ подобнымъ же, рѣзко очерченнымъ характеромъ. Послѣдній можетъ такъ импонировать на дѣтей своей личностью, можетъ произвести на нихъ даровитостью и цѣлостностью своей природы такое сильное впечатлѣніе, что ихъ личность совсѣмъ сотрется; ростъ ихъ души убьетъ сознаніе, что они—очень маленькія, незамѣтныя существа. Женщина же всегда болѣе мягка и сердечна; поэтому ея вліяніе проникаетъ въ дѣтей незамѣтно для нихъ самихъ; ея образъ, какъ воспитательницы, вырисовывается въ ихъ сознаніи, какъ великій свѣтлый образъ, но въ то же время близкій, доступный имъ. Ребенокъ растетъ, его сознаніе крѣпнетъ; онъ чувствуетъ, кому онъ обязанъ своей силой, но такъ какъ этимъ существомъ является мать, въ которой, какъ въ женщинѣ, твердость характера всегда смягчается душевной нѣжностью, въ немъ пробуждается не то

[1]) Завитневичъ.

смиреніе, которое, гранича съ сознаніемъ своего полнаго ничтожества, ведетъ человѣка къ слѣпой подражательности, въ немъ вспыхиваетъ желаніе становиться лучше и совершеннѣе, напрягать свои силы, чтобы тѣмъ проявить свою восторженную благодарность горячо любимому существу.

Марья Алексѣевна и производила своей личностью именно такое оживляющее и ободряющее вліяніе на своихъ дѣтей. „Что до меня касается, говорилъ Алексѣй Степановичъ, то знаю, что ей (матери) обязанъ я и своимъ направленіемъ и своей неуклонностью въ этомъ направленіи, хотя она этого и не думала. Счастливъ тотъ, у кого была такая мать и наставница въ дѣтствѣ, а въ то же время какой урокъ смиренія даетъ такое убѣжденіе. Какъ мало изъ того добра, что есть въ человѣкѣ, принадлежитъ ему? И мысли по большей части сборныя, и направленіе мыслей, заимствованное отъ первоначальнаго воспитанія. Что-же его-то собственно?"

Для духовнаго роста человѣка и отсюда для образованія всего его психическаго склада, склада мыслей и чувствованій въ высшей степени важно, въ присутствіи какого идеала онъ ощутилъ впервые свое крѣпнущее сознаніе,—осѣнила ли его чело первая оригинальная мысль предъ лицомъ горячо любимаго человѣка, и онъ съ нимъ связалъ свое духовное рожденіе, въ живой личности увидѣлъ своими впервые прояснившимися глазами идеальную сторону бытія, или его глаза впервые загорѣлись огнемъ вдохновенія въ уединеніи предъ лицомъ великой, но нѣмой природы, и она исторгла изъ его груди первый восторженный гимнъ. Это обстоятельство, повидимому незначительное, имѣетъ однако огромное значеніе; оно кладетъ неизгладимый отпечатокъ на всю духовную физіономію человѣка. Если воспріемницей при духовномъ рожденіи человѣка была нѣмая природа, если при созерцаніи ея его умъ почувствовалъ въ себѣ впервые творческій замыселъ, въ его душѣ ярко вспыхнетъ сознаніе своей духовной крѣпости и мощи, и этотъ элементъ получитъ преобладающее значеніе; идеалъ не обнаружится въ этомъ случаѣ предъ человѣкомъ, какъ нѣчто высшее его личности; онъ будетъ чувствовать вѣяніе идеала въ себѣ, будетъ сознавать, что въ немъ идеальное

начало принимаетъ свойственныя ему отчетливыя формы. Его самосознаніе будетъ характеризоваться, если и не опредѣленно высказываемымъ, то очень ясно подразумѣваемымъ положеніемъ: „я много получаю, много и даю".

Напротивъ, человѣкъ, впервые ощутившій рожденіе въ себѣ творческой мысли предъ лицомъ нѣжно любимаго существа, всегда будетъ отличаться особеннымъ чувствомъ скромности, идеалъ всегда будетъ представляться ему высшимъ его личности; поэтому на все свое дѣло, на всѣ свои цѣнныя мысли и порывы подобный человѣкъ всегда будетъ смотрѣть, какъ на должную дань своему идеалу. Его самосознаніе окрасится положеніемъ: „я очень много получаю, но очень мало даю".

Если мы разсмотримъ идеалъ перваго и второго мыслителя со стороны ихъ положительнаго содержанія, то увидимъ, что они будутъ рѣзко различаться между собой. Идеалъ перваго мыслителя будетъ неопредѣленъ съ своей положительной стороны. Что въ самомъ дѣлѣ переживаетъ человѣкъ въ молчаливомъ уединеніи предъ лицомъ великой природы? Онъ чувствуетъ вѣяніе чего-то великаго и мощнаго, чувствуетъ присутствіе силы, которая одновременно все живитъ и мертвитъ. Яснаго, отчетливаго образа, по подобію котораго человѣкъ образовалъ бы свое самосознаніе, такимъ образомъ, нѣтъ. Поэтому человѣкъ долженъ будетъ самъ опредѣлить этотъ образъ, или говоря точнѣе философскимъ языкомъ, долженъ будетъ самъ составить понятіе объ этой чувствуемой силѣ, пользуясь тѣми данными, которыя представляетъ его самосознаніе. А такъ какъ самосознаніе человѣка вспыхиваетъ особенно ярко лишь въ тотъ моментъ, когда человѣкъ противопоставляетъ свое „я" окружающему міру и относится къ послѣднему, какъ къ простому матеріалу для своей дѣятельности, то, несомнѣнно, идеалъ такого мыслителя будетъ яснымъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ противопоставляется съ міромъ дѣйствительности, какъ съ міромъ чистаго отрицанія.

Въ философіи мыслитель съ подобнымъ самосознаніемъ всегда будетъ склоняться, къ такъ называемому, пантеистическому міровоззрѣнію, по которому божество есть безличная сила, въ отношеніи къ которой всѣ предметы міровой жизни,

включая сюда и человѣка, служатъ ея естественно необходимыми обнаруженіями.

Идеалъ второго мыслителя напротивъ съ своей положительной стороны будетъ всегда яснымъ и опредѣленнымъ. Въ этомъ случаѣ предъ человѣкомъ всегда будетъ находиться живой образецъ, живая модель, по подобію которой и будетъ складываться его самосознаніе. Идеалъ этотъ будетъ, несомнѣнно, рости, становиться шире, глубже, свѣтлѣе, но въ этомъ своемъ ростѣ онъ никогда не перейдетъ за черту, отдѣляющую живое и конкретное отъ области чистой мертвенной абстракціи. Послѣдовательными ступенями въ развитіи идеала у подобнаго мыслителя могутъ быть, напр., слѣдующія: опредѣленная личность, народъ, человѣчество, но не какъ отвлеченное понятіе, а въ томъ живомъ образѣ, который даетъ положительная религія. Въ философіи подобный мыслитель будетъ всегда склоняться къ теистическому міровоззрѣнію, по которому Богъ есть высшая Личность, соединеющая Себя съ міромъ по Своей любви къ нему въ актахъ творенія и промышленія [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, какое вліяніе можетъ оказать раскрываемый фактъ на складъ всей духовной физіономіи человѣка.

Идеаломъ для Алексѣя Степановича Хомякова явилась прежде всего живая личность—его мать. Съ ея взглядомъ впервые его сердце забилось огнемъ вдохновенія. Влѣдствіе этого въ немъ сложилась и осталась на всю жизнь любопытная психологическая черта—служить проводникомъ всѣхъ тѣхъ свѣтлыхъ и добрыхъ началъ, которыя мелькаютъ въ человѣческой жизни, или отражаются въ природѣ. Во всю мощь и ширь своего духа онъ спѣшилъ отвѣтить на каждый улавливаемый имъ лучъ свѣта, добра и правды. Когда онъ видѣлъ предъ собой хорошихъ людей, въ немъ постоянно вспыхивало неудержимое стремленіе работать надъ собой и становиться лучше. Онъ много давалъ, но всегда искренно сознавалъ, что онъ больше получаетъ, чѣмъ даетъ. Эта особенность его самосознанія очень ярко выступаетъ въ его стихотвореніи „Поэтъ“:

[1]) Подробнѣе о теоріяхъ пантеизма и теизма см. мое сочиненіе „Теизмъ и пантеизмъ. Опытъ выясненія логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ“.

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились,
Разсѣявъ вѣковую мглу;
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.
Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнаемы лѣта,—
Земля ктиласяа нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.
Она безъ пѣсенъ путь свершала,
Безъ пѣсенъ въ путь текла опять,
И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.
Кто дастъ ей голосъ?... Лучъ небесный
На перси смертнаго упалъ,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріялъ.
Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

Итакъ, вотъ чѣмъ только ограничивается для Хомякова призваніе поэта: онъ даетъ стройный голосъ нѣмой землѣ, даетъ языкъ мертвому творенію. До его появленія земля въ молчаніи совершала свой путь; явился поэтъ—и съ земли вознесся гимнъ Богу. Поэтъ одухотворяетъ, осмысливаетъ и собираетъ въ стройную систему тѣ блестки свѣта, которые разсѣяны въ нѣмой природѣ, какъ Божьемъ созданіи.

Чтобы яснѣе представить себѣ особенность самосознанія Хомякова, отразившуюся въ этомъ стихотвореніи, вспомнимъ стихотвореніе другого нашего великаго поэта „Пророкъ".

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился...

Въ пустынѣ, въ полномъ одиночествѣ былъ поэтъ, и здѣсь предъ лицомъ одной свидѣтельницы—нѣмой природы совершилось его возрожденіе. И вотъ онъ всталъ преображенный, всталъ съ яснымъ сознаніемъ своего полнаго единства съ идеальнымъ міромъ.

Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

Въ этихъ стихахъ, какъ видимъ, обрисовывается уже другое самосознаніе. Поэтъ—пророкъ, его природа совершенно преобразована, она—чистое зеркало идеальной области; все, что въ немъ было земного, коснаго, способнаго затемнить идеалъ, все это испепелено прикосновеніемъ къ поэту серафима. Поэтому, призваніе поэта—„жечь глаголомъ сердца людей".

Вслѣдствіе такого направленія самосознанія Хомякова, направленія, сложившагося въ дѣтствѣ, всегда струны его души начинали звенѣть подъ впечатлѣніемъ какой-либо личности, въ которой онъ видѣлъ свой идеалъ. На первыхъ порахъ въ семьѣ такой личностью была, какъ я уже сказалъ, его мать; затѣмъ его старшій братъ Ѳедоръ, дѣйствительно даровитый молодой человѣкъ. Впослѣдствіи вдохновительницей Хомякова была его супруга Екатерина Михайловна, урожденная Языкова, сестра поэта. Ей Алексѣй Степановичъ, по его признаніямъ, обязанъ былъ не менѣе, чѣмъ своей матери. „Многимъ внутри себя, писалъ онъ послѣ ея смерти, обязанъ я своей покойной Катенькѣ, и часто слышатся мнѣ внутренніе упреки за то, что я далеко не разработалъ и не разрабатываю все наслѣдство духовнаго добра, которое я получилъ отъ нея". Въ одномъ изъ стихотвореній, написанномъ чрезъ годъ послѣ свадьбы, въ въ 1837 году, онъ такъ описываетъ ея вліяніе на свою душу:

Лампада поздняя горѣла
Надъ сонной лѣнію моей,
И ты взошла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.
Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело—
Святыня думы безмятежной—
Сіяло чисто и свѣтло.
Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой,

Все тихимъ миромъ, мыслью стройной
Въ тебѣ дышало предо мной.
Ушла ты,—солнце закатилось,
Померкла хладная земля,
Но въ ней глубоко затаилась
Отъ солнца жаркая струя.
Ушла! Но, Боже, какъ звенѣли
Всѣ струны пламенной души,
Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!
Какъ вдругъ—и молодо, и живо
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ воспрянулъ дремлющій поэтъ!
Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!
О, вѣрь мнѣ: сердце не обманетъ,
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова яркій свѣтъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

Основной фондъ душевной жизни Алексѣя Степановича Хомякова намъ теперь извѣстенъ. Во 1-хъ Алексѣй Степановичъ развивается извнутри. Онъ своеобразно знакомится съ идейнымъ міромъ, онъ ярко и отчетливо вырисовываетъ въ своемъ сознаніи извѣстное міровоззрѣніе, улавливаетъ его интимныя отношенія къ внутренней природѣ человѣка, и тѣмъ заставляетъ высказаться ясно и опредѣленно свою собственную природу.

Во 2-хъ, идеалъ для Алексѣя Степановича вырисовывается, какъ нѣчто высшее его личности. Онъ только служитель его, онъ лишь собираетъ разсѣянные въ мірѣ лучи свѣта и добра, но не болѣе.

Какіе-же элементы составили содержаніе душевной жизни Алексѣя Степановича, и поэтому, около чего сосредоточилась его внутренняя работа надъ самимъ собой? Главными элементами, составившими содержаніе психической жизни Алексѣя

Степановича, служатъ, повидимому, самые разнородные и несоединимые элементы,—это—глубокая религіозная вѣра и широко развитый умъ, изощрившійся во всѣхъ тонкостяхъ діалектики.

Повліявъ съ своей стороны на способъ ознакомленія Алексѣя Степановича съ внѣшнимъ міромъ, на складъ его самосознанія, семья посѣяла въ его душѣ сѣмена религіознаго убѣжденія, она же озаботилась и о развитіи его мысли. Семья Хомяковыхъ, „слѣдя за европейскимъ просвѣщеніемъ въ лицѣ отца, въ лицѣ матери крѣпко держалась преданій родной старины, насколько они выражались въ жизни церкви и бытѣ народа" [1]). Религіозный духъ такъ явственно проявился во всемъ складѣ этой семьи, что, когда въ 1815 году одиннадцатилѣтній Алексѣй вмѣстѣ съ братомъ Ѳедоромъ пріѣхали впервые въ Петербургъ, обоимъ мальчикамъ показалось, что ихъ привезли въ какой-то языческій городъ, гдѣ ихъ непремѣнно заставятъ перемѣнить вѣру, и оба мальчика въ ожиданіи этого событія твердо рѣшили лучше выдержать всякія мученія, чѣмъ принимать чужой законъ.

Мученій теперь мальчикамъ, понятно, не пришлось пережить, но впослѣдствіи, когда окрѣпнувшій разумъ сталъ всматриваться въ содержаніе наивной дѣтской вѣры, когда простодушное, чисто дѣтское убѣжденіе стало предметомъ дѣятельности сознанія, наступила дѣйствительно пора внутренней борьбы и страданій, и, кто знаетъ, выдержалъ-ли бы Алексѣй Степановичъ эти мученія, если бы семья не дала ему въ руки оружіе, сообщивши особенное направленіе его самосознанію: если бы предъ дѣтской душой, воспринявшей сѣмена вѣры, не обрисовалась въ качествѣ идеала живая личность.

Мысль Хомякова начала пробуждаться очень рано и, какъ часто бываетъ, начала свою дѣятельность съ шаловливыхъ вопросовъ, обращенныхъ къ учителю. Передаютъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ очень раннюю пору его жизни. Въ домѣ Хомяковыхъ, въ Москвѣ, жилъ аббатъ Boivin, учившій Алексѣя Степановича латинскому языку. Однажды ученикъ въ какой-то книгѣ отыскалъ папскую буллу, замѣтилъ въ ней

[1]) Завитневичъ.

ошибку и, показывая аббату, спросилъ его: зачѣмъ-же онъ считаетъ папу непогрѣшимымъ, когда святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. За эту выходку мальчика, разумѣется, не похвалили. Но уже сама собой его развивающаяся мысль стремилась къ серьезному дѣлу. На 14 или 15 году жизни онъ уже успѣваетъ напечатать свой переводъ Тацитовой „Германіи".

Образованіе Алексѣй Степановичъ получилъ дома, но это образованіе было разностороннимъ и основательнымъ. Кромѣ латинскаго языка, онъ вполнѣ владѣлъ тремя новыми: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Изучалъ, вѣроятно, подъ руководствомъ своего гувернера Арбе, греческій языкъ, но этому языку доучивался, правда, онъ потомъ въ 1853 году. Въ 1815—16 г. въ Петербургѣ ему преподавалъ русскую словесность Жандръ, драматическій писатель, принадлежавшій къ школѣ Шишкова, другъ Грибоѣдова. Оканчивалъ онъ свое ученье въ Москвѣ подъ руководствомъ доктора философіи Глаголева. Въ это же время онъ пользовался уроками нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета, въ томъ числѣ Щепкина, преподававшаго ему математику, и Мерзлякова, преподававшаго словесность. Опредѣлившись, затѣмъ, въ Московскій университетъ въ качествѣ вольнаго слушателя, онъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ.

Но этимъ образованіе Алексѣя Степановича не окончилось. Обладая недюжинными природными дарованіями, Алексѣй Степановичъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою жизнь продолжаетъ учиться и изучать Его умъ проникаетъ въ самыя разнородныя области знанія, знакомится съ самыми разнохарактерными предметами, и вездѣ онъ не удовлетворяется однимъ бѣглымъ, поверхностнымъ обзоромъ, а стремится дойти до сути дѣла, такъ что въ каждой сферѣ знанія онъ чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ. „Во всѣхъ отрасляхъ знанія, говоритъ про него Коссовичъ, начиная съ философіи и оканчивая механикой, въ исторіи народовъ и въ исторіи религій, въ эстетикѣ и политикѣ, въ опредѣленіи сущности христіанскихъ церквей и въ опредѣленіи сущности индо-европейскихъ языковъ, въ

археологіи и въ юриспруденціи, во всемъ онъ совмѣщалъ полное знакомство съ выработаннымъ доселѣ матеріаломъ и совершенной самобытностью взгляда". Широтой и глубиной своихъ познаній Алексѣй Степановичъ прямо приводилъ въ изумленіе всѣхъ своихъ знакомыхъ. Они сравнивали его голову съ фонаремъ, который освѣщаетъ всякій предметъ, къ которому подходитъ. И такое впечатлѣніе онъ производилъ на лицъ, которыя сами были безусловно талантливыми и образованными людьми. Вотъ, напр., какую характеристику Алексѣя Степановича дѣлаетъ М. П. Погодинъ. „Хомяковъ!", восклицаетъ онъ, „что это была за натура, даровитая, любезная своеобразная! какой умъ всеобъемлющій, какая живость, обиліе въ мысляхъ, которыхъ у него въ головѣ, кажется, источникъ неизсякаемый, бившій ключемъ при всякомъ случаѣ направо и налѣво! Сколько свѣдѣній самыхъ разнообразныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ даромъ слова, текшаго изъ устъ его живымъ потокомъ! чего онъ не зналъ? И только, слушая Хомякова, можно было вѣрить баснословному преданію о Пикѣ Мирандольскомъ, предлагавшемъ преніе de omni re scibili... Не было науки, въ которой Хомяковъ не имѣлъ бы обширнѣйшихъ познаній, въ которой не видѣлъ бы предѣловъ, о которой не могъ бы вести продолжительнаго разговора съ спеціалистомъ или задать ему важныхъ вопросовъ. Кажется, ему оставалось только объяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, пополнить нѣсколько пробѣловъ.... И въ тоже время Хомяковъ писалъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ за много лѣтъ до состоявшихся рескриптовъ, предлагалъ планы земскихъ банковъ, или, по поводу газетныхъ извѣстій, на ту пору полученныхъ, распредѣлялъ границы Американскихъ республикъ, указывалъ дорогу судамъ, искавшимъ Франклина, анализировалъ до малѣйшей подробности, сраженія наполеоновы, читалъ наизусть по цѣлымъ страницамъ изъ Шекспира, Гете или Байрона, излагалъ ученіе Едды и Буддійскую космогонію.... И въ тоже время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ сугубымъ давленіемъ, которую посылаетъ на Англійскую всемірную выставку и беретъ привиллегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые

способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности, скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимней порошью за зайцами, и описываетъ всѣ достоинства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянья въ цѣль, а ввечеру является въ вамъ съ сочиненными имъ тогда-же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого то пермскаго исправника въ распространеніи Христіанской вѣры, за которые онъ былъ представленъ къ св. Владиміру, но не могъ его получить потому, что оказался мусульманиномъ.

Немудрено, что при такой живости и такомъ разнообразіи знаній, умъ Хомякова изумительно отшлифовался и съ формально логической стороны. Его мысль постоянно развивалась послѣдовательно, ни на минуту не теряя изъ виду своего отправнаго пункта и конечной цѣли; быстро оріентировалась въ самыхъ запутанныхъ и сложныхъ вопросахъ, живо улавливала слабыя мѣста и пробѣлы своего противника. Вотъ какъ характеризуетъ съ этой стороны Хомякова Герценъ, свидѣтельство котораго, какъ человѣка, чуждаго по своимъ воззрѣніямъ Хомякову, особенно важно. „Вчера былъ у меня продолжительный споръ съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на одну минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность! Я радъ былъ этому спору; я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои; съ такимъ бойцомъ помѣряться стоитъ всякому ученію“ Въ спорахъ съ декабристами онъ приводилъ своей діалектикой кн. Одоевскаго въ ярость, а Рылѣевъ, у котораго происходили кружковыя собранія, безъ шапки убѣжалъ изъ своей квартиры на лѣстницу.

Вотъ чрезъ какое сознаніе должно было пройти воспринятое Хомяковымъ въ дѣтствѣ религіозное убѣжденіе, чтобы отлиться въ форму отчетливаго религіознаго міровоззрѣнія. И этотъ процессъ совершился въ душѣ Хомякова и совершился необыкновенно гармонично. Его разумное сознаніе, всматриваясь внимательно въ содержаніе вѣры, увидало въ немъ какъ

разъ отвѣты на волновавшіе его мучительные вопросы, и вслѣдствіе этого, вмѣсто того, чтобы ощутить свою силу въ своей исключительности и отдѣльности отъ вѣры, какъ это часто бываетъ, оно почувствовало напротивъ свою мощь въ тѣсномъ единеніи съ ней. Вѣра явилась для Хомякова не внѣшнимъ положеніемъ, которое разумъ изъ утилитарныхъ цѣлей долженъ всячески оберегать и охранять, какъ цѣнное, но вмѣстѣ съ тѣмъ внутренно хрупкое сокровище; вѣра стала для него живымъ началомъ, поддерживающимъ и питающимъ всю внутреннюю жизнь его личности, явилась тѣмъ неизсякаемымъ источникомъ жизни, который разумъ не могъ не принять, и который онъ всегда принималъ честно, свободно и открыто. Хомяковъ жилъ въ вѣрѣ и по вѣрѣ. Вѣра была для него тѣмъ внутреннимъ центромъ, въ которомъ сосредоточивались и объединялись всѣ разнообразныя дарованія его богатой природы Хомяковъ—философъ, юристъ, механикъ, посылающій на Лондонскую выставку изобрѣтенную паровую машину, или заказывающій выдуманные имъ какіе-то штуцера, Хомяковъ—филологъ, инженеръ, сельскій хозяинъ—словомъ человѣкъ, котораго, по отзывамъ современниковъ, удобнѣе было-бы „разнять на четыре части, чтобы каждая часть была доступнѣе и въ этомъ смыслѣ лучше цѣлаго“—этотъ разносторонній человѣкъ былъ вмѣстѣ цѣльною, внутренно сосредоточенною и гармоничною личностью: онъ былъ человѣкомъ искренно вѣрующимъ, человѣкомъ, для котораго вѣра представляетъ весь свѣтъ, весь смыслъ, всю цѣнность бытія. „При первой встрѣчѣ съ нимъ, говоритъ Ю. Самаринъ, нельзя было не убѣдиться, что онъ хорошо зналъ, продумалъ и прочувствовалъ все то, чѣмъ въ наше время колеблется и подрывается вѣра. Ему были коротко знакомы и пантеизмъ и матеріализмъ во всѣхъ ихъ видахъ; онъ зналъ, къ какимъ результатамъ пришла современная наука, какъ въ изслѣдованіи явленій природы, такъ и въ критическомъ разборѣ священнаго писанія и церковныхъ преданій; наконецъ, онъ много лѣтъ провелъ въ изученіи исторіи религій, слѣдовательно, въ обращеніи съ тою измѣнчивою, вѣчно волнующеюся стороною человѣческихъ вѣрованій, которая повидимому такъ убѣдительно свидѣтельствуетъ

противъ какой-бы то ни было истины непреложной и неподлежащей законамъ историческаго развитія; и при всемъ томъ, его убѣжденія не пошатнулись; онъ устоялъ въ нихъ". Проведши самъ свою вѣру чрезъ горнило всевозможныхъ сомнѣній, Алексѣй Степановичъ болѣе, чѣмъ кто другой, сознавалъ всю непререкаемую ея истинность. Поэтому, „онъ не только дорожилъ своею вѣрою, но вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ несомнѣнную увѣренность въ ея прочности; оттого, онъ ничего не боялся за нее, а оттого, что не боялся, онъ всегда и на все смотрѣлъ во всѣ глаза, никогда ни предъ чѣмъ не жмурилъ ихъ, ни отъ чего не отмахивался и не кривилъ душею предъ своимъ сознаніемъ. Вполнѣ свободный, т. е., правдивый въ своемъ убѣжденіи, онъ требовалъ той-же свободы, того-же права быть правдивымъ, и для другихъ.

Итакъ, воспринятое Алексѣемъ Степановичемъ еще въ дѣтствѣ живое религіозное убѣжденіе вслѣдствіе широты и глубины его познаній, а также изумительной способности его ума къ вполнѣ послѣдовательному, логическому мышленію не могло остаться, да дѣйствительно и не осталось на ступени наивнаго убѣжденія. Алексѣй Степановичъ выработалъ вполнѣ цѣльное и почти законченное религіозно-философское воззрѣніе и при этомъ ни въ чемъ не измѣнилъ вѣрѣ своего дѣтства, ни разу не покривилъ душей предъ своимъ сознаніемъ, не раздвоился, а остался внутренно гармоничной личностью.

Какъ-же совершился въ немъ этотъ процессъ? Какіе вопросы и сомнѣнія волновали его пытливый и живой умъ, и, идя какимъ путемъ, онъ пришелъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, къ побѣдѣ надъ сомнѣніями и увидалъ въ содержаніи вѣры ту пищу, которую какъ разъ и требуетъ себѣ настоятельно разумное сознаніе?

III.

По своимъ природнымъ задаткамъ Алексѣй Степановичъ принадлежалъ къ типу людей съ ясно выраженнымъ стремленіемъ ко всему высокому и идеальному. Это была душа, которая никогда не могла помириться съ грубымъ и низменнымъ и всегда стремилась въ горнія области. Многіе факты

изъ его жизни, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, и отзывы современниковъ не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Вотъ, напр., какъ характеризуютъ его, 18-лѣтняго офицера кирасирскаго полка, командиръ гр. Остенъ-Сакенъ: „въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи Хомяковъ былъ едвали не единица. Образованіе его было поразительно превосходно, и я во всю жизнь свою не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекался направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно". Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Степановичъ не былъ изъ разряда тѣхъ идеалистовъ, которые, какъ настоящіе мягкотѣлые, склонны наслаждаться болѣе идеаломъ лишь въ своихъ мечтахъ и грезахъ фантазіи, для которыхъ идеалъ является своего рода дозой опіума, вызывающей въ душѣ рядъ чудныхъ, волшебныхъ видѣній. Алексѣй Степановичъ обладалъ твердой, крѣпкой волей, рѣзко очерченнымъ нравственнымъ характеромъ; онъ былъ идеалистомъ въ томъ смыслѣ, что идеалъ всегда предносился его волѣ, какъ задача, которую онъ, не смотря на всю тяжесть и трудность этого дѣла, долженъ разрѣшить, осуществивши его въ своей и окружающей жизни. Тотъ же графъ Остенъ-Сакенъ такъ характеризуетъ его въ этомъ отношеніи: „ѣздилъ верхомъ отлично. Прыгалъ чрезъ препятствія въ вышину человѣка. На эспадронахъ дрался превосходно. Обладалъ силою воли не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу православной церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія. Въ то время было уже значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внушалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованія. Онъ не позволялъ себѣ употреблять внѣ службы одежду изъ тонкаго сукна даже дома, и отвергнулъ позволеніе носитъ жестяныя кирасы, вмѣсто желѣзныхъ полупудоваго вѣса, не смотря на малый ростъ и съ виду слабое сложеніе. Относительно тер-

пѣнія и перенесенія физической боли обладалъ онъ въ высшей степени спартанскими качествами".

Если идеалистъ изъ разряда фантастовъ и мечтателей можетъ всю свою жизнь провести, постоянно переходя отъ земного къ небесному, отъ низменнаго къ высокому нерѣдко не замѣчая всей нелѣпости подобной двойственной жизни, идеалистъ съ мощной волей ни на минуту не можетъ вынести двоящагося сознанія и двоящихся мыслей. Онъ не понимаетъ жизни, которая только ограничивалась бы предѣлами его фантазіи. Для него нѣтъ и не должно быть разрыва между идеаломъ и дѣйствительной жизнью; непремѣнно должно быть что-нибудь одно: или небо, свѣтлое, лазурное небо, или земля, грязная и низменная, или чистый идеалъ или пошлая реальность.

Вслѣдствіе этого подобнымъ людямъ, какъ всѣмъ вообще людямъ активнаго, а не пассивнаго типа, въ перспективѣ жизни всегда предстоитъ не только успѣхъ и побѣда, но вмѣстѣ незадача и рѣшительное пораженіе. Природные идеальные задатки такимъ образомъ далеко еще не опредѣляютъ окончательной судьбы человѣка. Нельзя даже сказать, сохранится ли въ немъ вѣра въ идеалъ. При этомъ самая вѣра можетъ принимать разнообразнѣйшіе оттѣнки. Отъ той вѣры въ идеалъ, которая естественно проявляется въ человѣческой природѣ, до той, которая свѣтится въ глазахъ человѣка, проникнутаго живымъ религіознымъ убѣжденіемъ очень длинный путь.

Какая же идея впервые охватила его идеально настроенную душу?

Принявши во вниманіе, что дѣтство Алексѣя Степановича протекло подъ впечатлѣніемъ отечественной войны 1812 г., мы не затруднимся угадать эту идею. Впервые сердце мальчика забилось чувствомъ пылкаго негодованія къ тирану, какимъ былъ для него Наполеонъ, и его взоръ зажгла мысль о свободѣ. Зиму 1812—13, т. е. самый разгаръ отечественной войны, Хомяковы прожили въ своемъ имѣніи, селѣ Кругломъ, Даньковскаго уѣзда, Рязанской губерніи. По сосѣдству съ ними жила ихъ знакомая Прасковья Михайловна Толстая, дочь героя этой войны Кутузова. Естественно поэтому, что

эти два семейства лучше кого другого были освѣдомлены о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ на театрѣ веенныхъ дѣйствій. Военные же разсказы должны были производить соотвѣтственвое дѣйствіе на воображеніе подроставшихъ дѣтей. Во время московскаго пожара сгорѣлъ и домъ Хомяковыхъ. Это заставило Степана Александровича съ семействомъ въ началѣ 1815 года переѣхать изъ деревни Липицъ Смоленской губерніи въ Петербургъ. Дорогой оба мальчика Ѳеодоръ и Алексѣй, наслушавшись военныхъ разсказовъ, мечтали, что они ѣдутъ драться съ Наполеономъ. Но по пріѣздѣ въ Петербургъ имъ пришлось разочароваться. Оказалось, что Наполеонъ проигралъ битву при Ватерлоо и болѣе уже не страшенъ. „Съ кѣмъ же мы теперь будемъ драться“? спросилъ старшій братъ младшаго. „Буду бунтовать славянъ“ отвѣтилъ одиннадцатилѣтній Алексѣй. По дорогѣ въ Петербургъ на почтовыхъ станціяхъ его взоръ привлекли къ себѣ лубочныя картины, изображавшія сербскаго вождя, Чернаго Георгія. И вотъ въ тотъ самый моментъ, какъ Наполеонъ вышелъ изъ поля сознанія мальчика, а вмѣстѣ съ собой унесъ и яркій образъ его будущей дѣятельности, выступило отчетливо это впечатлѣніе отъ лубочныхъ картинъ, и въ воображеніи мальчика живо вырисовался образъ пастуха, силой своего мужества и непреклонностью воли освободившаго свою родину отъ турокъ. Но этотъ образъ въ настоящую минуту только посѣтилъ вооображеніе мальчика и поддержалъ въ его юномъ сердцѣ мысль о свободѣ. Такого обстоятельства, которое помогло бы сполна проявиться пылкой, дѣятельной натурѣ Алексѣя Степановича не явилось. Впослѣдствіи подобное обстоятельство какъ разъ оказалось на лицо, и тутъ обнаружилось, что у Алексѣя Степановича отъ словъ недалеко до дѣла. Это было въ 1826 году. Извѣстно, что въ этомъ году вспыхнуло возстаніе грековъ за свою независимость. Во всѣхъ странахъ Европы появились агенты общества Филеллиновъ, на обязанности которыхъ лежало распространять сочувствіе къ этому дѣлу въ высшихъ вліятельныхъ кругахъ общества и вербовать въ ряды арміи молодыхъ людей. Однимъ изъ членовъ этого общества былъ между прочимъ бывшій гувернеръ въ семействѣ Хомяковыхъ

Арбе. Посѣщая своихъ прежнихъ знакомыхъ и передавая имъ извѣстія о ходѣ возстанія, онъ замѣтилъ, что бывшій его воспитанникъ жадно вслушивается въ его разсказы. Вслѣдствіе этого онъ вступилъ съ нимъ въ болѣе тѣсныя сношенія, сталъ поддерживать его намѣреніе—бросить родительскій домъ и идти сражаться за свободу Греціи и наконецъ, добылъ ему фальшивый паспортъ. И вотъ 17-лѣтній Алексѣй Степановичъ, захвативъ денегъ около 50 руб. ассигнаціями, купилъ засапожный ножъ и, поздно вечеромъ, въ ваточной шинелишкѣ ушелъ изъ дому (на Кузнецкомъ мосту). Проектъ бѣгства держался въ большомъ секретѣ, но молодые заговорщики не съумѣли схорониться отъ проницательныхъ взоровъ своего дядьки Артемія. Послѣдній давно примѣтилъ, что младшій барчукъ затѣваетъ что-то недоброе и потому зорко слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Смущенный въ этотъ вечеръ его долгимъ отсутствіемъ, онъ поспѣшилъ дать знать барину, сидѣвшему въ англійскомъ клубѣ, что уже полночь, а дитя не возвращается. Встревоженный Степанъ Александровичъ, прибывшій домой, сдѣлалъ строгій допросъ Ѳедору, и послѣдній открылъ отцу все. Посланы были по всѣмъ направленіямъ люди, и бѣглеца поймали за Серпуховской заставой.

Такъ Алексѣю Степановичу не удалось осуществить на дѣлѣ одушевившую его идею. Но пылъ въ его груди былъ слишкомъ пламененъ, чувства естественно просились наружу, и вотъ изъ его взволнованнаго сердца вырывается первая пѣсня „Посланіе къ Веневитиновымъ“, которая очень интересна въ томъ отношеніи, что ярко отражаетъ тотъ кругъ мыслей, которыя въ то время плѣняли душу юнаго Хомякова.

„И такъ насталъ сей день побѣды, слава мщенья.
Итакъ свершилися мечты воображенья,
Предчувствія души, сны юности златой,
Желанья пылкія исполнены судьбой.

Въ чемъ же эти мечты и пылкія желанья юнаго поэта?

Въ то время какъ всѣ народы
Отъ Сѣверныхъ морей, покрытыхъ вѣчно льдами,
До Средиземныхъ волнъ, возлюбленныхъ богами
Цвѣли подъ щитомъ законовъ и подъ сѣнію свободы,

Лишь Греція одна стонала подъ ярмомъ
Столѣтья протекли:—объяты тяжкимъ сномъ,
Въ ней слава, мужество, геройскій духъ молчали,
И мнилося, они на вѣки чужды стали
Своей странѣ родной, странѣ великихъ дѣлъ,—
Странѣ, гдѣ нѣкогда свободы гимнъ гремѣлъ
Въ долинахъ, на холмахъ, въ ущельяхъ горъ глубокихъ,
И съ кровью въ жилахъ текъ источникъ чувствъ высокихъ.
Пришлецъ съ Алтайскихъ горъ, сынъ дебрей и степей,
Обременилъ ее безславіемъ цѣпей:
Тиранства алчнаго ненасытимый геній
Разрушилъ чудеса минувшихъ поколѣній...
Но небо тронулось мольбами угнетенныхъ,
И Греція, свой сонъ сотрясши вѣковой,
Возникла, какъ гигантъ, могучею главой.

Это пробудившееся въ греческомъ народѣ стремленіе сбросить съ себя позорныя оковы, чтобы снова вздохнуть свободно, такъ воспламеняетъ юнаго поэта, что онъ самъ рвется въ бой:

О други! какъ мой духъ пылаетъ бранной славой!
Я сердцемъ и душой среди войны кровавой.
Свирѣпыхъ варваровъ непримиримый врагъ,
Я мыслью съ греками, сражаюсь въ ихъ рядахъ...
Такъ все великое въ Элладу призываетъ!
Эллада! О друзья, сей звукъ напоминаетъ
Душѣ, забывшейся средь суетныхъ страстей,
О добродѣтели, о славѣ древнихъ дней,
О всемъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ нашъ пылкій духъ плѣняло.
И жаръ высокихъ чувствъ въ груди воспламеняло.

Вотъ какія чувствованія волновали 17-лѣтняго Хомякова. Великія идеи быстро затрогивали всѣ струны его души. Хомяковъ рвался къ идеалу, стремясь стать борцомъ за его осуществленіе въ жизни. Одинъ образъ въ это время плѣнялъ его умъ и сердца, придавалъ смыслъ жизни—образъ героя, павшаго въ битвѣ за свободу своей родины и продолжающаго вѣчно жить въ памяти народа. Въ своемъ стихотвореніи: „Безсмертіе Вождя“, написанномъ вскорѣ послѣ „Посланія къ

Веневитиновымъ" (1822—23), онъ, описавъ положеніе юноши, дни котораго радость „цвѣтами усыпала", не плѣняется однако перспективой подобнаго счастія и продолжаетъ:

Но счастливѣй стократъ, кто съ бодрою душою
За родину летѣлъ въ кровавый бой;
И лучезарною браздой
Разсѣкъ временъ туманъ густой.
Онъ легъ главой, непобѣжденный,
Въ объятьяхъ гроба отдохнуть,
Не такъ, какъ старецъ утомленный,
Свершившій многотрудный путь,
Но такъ, какъ царь свѣтилъ, спокойный, величавый
Нисшедшій въ рдяныя моря;
Онъ легъ:—и въ слѣдъ за нимъ вспылала вѣчной славы
Неугасимая заря.
И имя Витязя, гремя въ вѣкахъ далекихъ,
Какъ грозный гласъ трубы на вторящихъ горахъ,
Пробудитъ въ гражданахъ весь пламень чувствъ высокихъ
И ужасъ въ дерзкихъ пришлецахъ.

Но чѣмъ яснѣе обрисовался въ его сознаніи этотъ образъ. чѣмъ глубже онъ сознавалъ, что только онъ одинъ можетъ успокоить его тревожную, волнующуюся душу, что только съ нимъ онъ можетъ сказать себѣ что жизнь его прошла и прошла осмысленно, тѣмъ сильнѣе начиналъ онъ чувствовать боль въ своемъ сердцѣ. Рисуя себѣ этотъ образъ и вдохновляясь имъ, юный Хомяковъ чувствуетъ въ то же время, что это только „прелестный, сладкій сонъ, который, увы, никогда не совершится", и эта мысль больно тревожитъ его сердце, его струны перестаютъ звучать, даръ высокихъ пѣсенъ исчезаетъ, духъ холодѣетъ. Между тѣмъ все въ окружающей жизни вдумчивому юношѣ говорило, что это—дѣйствительно—только сонъ. Жизнь текла прозаически спокойно, вѣянія идеала въ ней не чувствовалось. Юному Хомякову не только не приходилось пробуждать въ окружающихъ „весь пламень чувствъ высокихъ", напротивъ приходилось самому охранять въ себѣ этотъ пылъ и цѣлость своей нравственно-настроенной души, для чего держаться въ сторонѣ и одиноко. Весной 1822 года, т. е., съ

небольшимъ черезъ годъ послѣ своего бѣгства изъ родительскаго дома, Алексѣй Степановичъ поступаетъ въ кирасирскій полкъ, стоявшій въ Новоархангельскѣ Херсонской губерніи. Какъ себя чувствовалъ въ новой средѣ Алексѣй Степановичъ, точно неизвѣстно; но, принявши во вниманіе то, чѣмъ обыкновенно занимается и тѣшится блестящая военная молодежь, мы легко можемъ представить себѣ то внутреннее томленіе, которое, если не постоянно, то несомнѣнно временами приходилось переживать набожному молодому человѣку, строго исполнявшему всѣ посты по уставу православной церкви, посѣщавшему въ праздничные и воскресные дни всѣ богослуженія. Правда, никто изъ товарищей не осмѣливался глумиться надъ его убѣжденіями, но уже то одно, что онъ чувствовалъ себя одинокимъ, не могло не ослаблять силъ его духа и не поселять въ его душѣ тоски и унынія. Не далѣе, какъ чрезъ годъ онъ уходитъ изъ этого кирасирскаго полка въ Петербургъ, въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Но и здѣсь чувство одиночества его не оставляетъ.

Правда, въ это время (1824 г.) въ петербургскомъ обществѣ, особенно въ военныхъ кругахъ шли оживленные толки, но тѣ идеи, которыя волновали въ данную пору, по словамъ Θеодора Степановича, „почти всѣхъ молодыхъ людей, которые нѣсколько отличались умомъ, воспитаніемъ или благородными чувствами", не могли вдохновить ни Алексѣя Степановича, ни его брата Θеодора Степановича, такъ какъ они видѣли въ нихъ простое безумство, не желающее считаться ни съ своимъ отечествомъ, ни съ народнымъ духомъ. Въ качествѣ сотрудника сборника „Полярная звѣзда", издававшагося Рылѣевымъ и Бестужевымъ (Марлинскимъ) Алексѣй Степановичъ посѣщалъ собранія, происходившія у Рылѣева. Но на нихъ онъ лишь горячо возставалъ противъ затѣваемаго насильственнаго переворота, доказывая Рылѣеву, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. „Что такое войско? спрашивалъ онъ. Это собраніе людей, которыхъ народъ вооружилъ на свой счетъ, и которымъ онъ вручилъ защиту: оно служитъ народу. Гдѣ же будетъ правда, если эти

люди, въ противоположность своему назначенію, начнутъ распоряжаться народомъ по своему произволу"?

Правда, теперь Алексѣй Степановичъ начинаетъ становиться извѣстнымъ. Его остроуміе, громадная начитанность и особенно сила логическаго мышленія начинаютъ импонировать всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ общеніе,—но какъ было это далеко отъ того образа, который рѣялъ предъ его сознаніемъ! Всѣ эти споры и пренія, которыя онъ велъ съ Рылѣевымъ или княземъ Одоевскимъ, несомнѣнно, лишь на минуту оживляли его, давая возможность чисто нервно, страстно вылиться наружу кипѣвшимъ въ его душѣ мыслямъ и чувствамъ.

Въ кирасирскомъ полку, гдѣ ранѣе служилъ Алексѣй Степановичъ, былъ, по словамъ гр. Остенъ-Секена, одинъ офицеръ, очень вспыльчивый молодой человѣкъ, имѣвшій большое притязаніе на искусство фехтованія; часто вызывалъ онъ Хомякова на неравный бой. Хомяковъ надѣвалъ на него бурку съ рукавами, перчатки съ набитыми шерстью крагами и маску, а самъ снималъ колетъ. При всякомъ ударѣ, который наносилъ Хомяковъ очень легко, онъ опускалъ эспадронъ; противникъ, пользуясь этимъ положеніемъ, съ злостью наносилъ нѣсколько ударовъ по рукѣ. Въ это время Хомяковъ и присутствующіе хохотали и приводили тѣмъ въ еще большую запальчивость противника, который при полученіи новаго удара, еще менѣе щадилъ опущенную руку Хомякова. Послѣ каждаго ратоборства, рука вспухала и была въ синихъ пятнахъ, но это не препятствовало принимать снова предложеніе.

Несомнѣнно, и споры его съ декабристами производили на него такое же дѣйствіе, какое производило описанное ратоборство его на эспадронахъ съ вспыльчивымъ молодымъ офицеромъ: онъ очень легко своими доводами поражалъ противниковъ. Рылѣевъ убѣгалъ безъ шапки на сосѣднюю квартиру; кн. Одоевской отъ его глубокаго замѣчанія, что онъ вовсе не либералъ, а предпочитаетъ только единодержавію тиранію вооруженнаго меньшинства, приходилъ въ бѣшенство; но, поражая такъ противниковъ, самъ Алексѣй Степановичъ въ то же время чувствовалъ, что это далеко не настоящее его дѣло; и какъ ранѣе онъ оставлялъ ратоборство на эспадронахъ съ

вспухшей и посинѣвшей рукой, такъ, несомнѣнно, и теперь онъ шелъ съ этихъ собраній съ больной душой, больной оттого, что созданный имъ идеалъ, казалось все далѣе и далѣе уходилъ отъ него, что жизнь, казалось, все менѣе и менѣе хотѣла сочувствовать волновавшимъ его сердце идеальнымъ порывамъ.

Вотъ вѣроятная причина той тоски, нерѣдко даже отчаянія, которыя слышится въ стихахъ Алексѣя Степановича, относящихся къ данному времени.

20 ти лѣтній поэтъ чувствуетъ усталось жизни. Его разумное сознаніе. не находя матеріала для своей дѣятельности во внѣшней окружающей жизни, обращается къ внутреннему богатству, критически начинаетъ всматриваться въ тотъ запасъ живыхъ силъ, которыя таятся внутри, въ тотъ идеалъ, который взлелѣянъ его духомъ, и отъ этого взора разума, холоднаго, проницательнаго взора Алексѣй Степановичъ начинаетъ ощущать рѣзкую, острую внутреннюю боль.

Что такое всѣ эти идеальные порывы, идеальныя стремленія? Какое ихъ значеніе? Какой смыслъ таится въ нихъ? Что такое это свѣтлое, необъятное, лазурное небо? Зачѣмъ оно властно приковываетъ къ себѣ наши взоры? Зачѣмъ оно волнуетъ и поднимаетъ нашъ дремлющій духъ?

Вотъ вопросы, которые въ данное время неотвязчиво преслѣдуютъ сознаніе Алексѣя Степановича, заставляя больно сжиматься его сердце.

Въ минуты вдохновенія воспламененое воображеніе уноситъ поэта, Алексѣя Степановича Хомякова, въ далекія горнія сферы. Тамъ оно счастливо и радостно рѣетъ среди идеальныхъ образовъ. Но наступаетъ минута отрезвленія—и что же? Быстро уносится, какъ грезы и мечты, этотъ волшебный міръ, который казался такимъ свѣтлымъ, чистымъ, высокимъ, и человѣкъ остается съ опустошенной душой одинокимъ среди міра грубой, житейской прозы. Что же дали человѣку его идеальные порывы, его любовь ко всему высокому и прекрасному? Только муки сердца, одни внутреннія терзанія. Человѣкъ увидалъ всю низменность и пошлость настоящаго, дѣйствитель-

наго міра, а между тѣмъ среди него онъ и долженъ необходимо влачить свою жизнь. Не будь поэтому любви къ идеалу,

„Довольный свѣтомъ и судьбою,
Я могъ бы жизненной стезей
Влачиться къ цѣли роковой.
Съ непробужденною душою
Я могъ бы радости съ толпою раздѣлять,
Я могъ бы рвать земныя розы,
Я могъ бы лить земныя слезы
И счастью въ жизни довѣрять...
Но ты пришла. Съ улыбкою презрѣнья
На смертныхъ родъ взирала ты,
На ихъ желанья, наслажденья,
На ихъ безсильные труды.
Ты мнѣ съ восторгомъ, другъ коварный,
Являла новый міръ вдали
И путь высокій, лучезарный
Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
Тамъ все прекрасное, чѣмъ сердце восхищалось,
Тамъ все высокое, чѣмъ духъ питался мой,
Въ вѣнцахъ безсмертія являлось
И въ слѣдъ манило за собой.
И ты звала. Ты сладко напѣвала
О незабвенной старинѣ,
Вѣнцы и славу обѣщала,
Безсмертье обѣщала мнѣ.
И я повѣрилъ. Обаянный
Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ,
Я презрѣлъ Вакха даръ румяный
И чашу радостей земныхъ.
Но что-жъ? Скажи: за всѣ отрады,
Которыхъ я навѣкъ лишенъ,
За жизнь спокойную, души безпечный сонъ,
Какія ты дала награды?
Мечты не ясныя внушенныя тоской,
Твои слова, обѣты и обманы,

И жажда счастія, и тягостныя раны
Въ груди, растерзанной судьбой".

Что же такое, слѣдовательно, представляютъ изъ себя всѣ идеальныя стремленія человѣка? Они—„измѣнники".

Сей синій сводъ, усѣянный звѣздами,
И тихая безмолвной ночи тѣнь,
И въ утреннихъ вратахъ раждающійся день,
И царь свѣтилъ, парящій надъ водами,—
Они измѣнники! Они, прельщая взоръ,
Пробудятъ вновь всѣ сны воображенья,
И сердце робкое, просящее забвенья,
Прочтетъ въ нихъ пламенный укоръ.

Что же остается дѣлать? Какой исходъ? Надобно забыть волшебный сонъ, стряхнуть съ себя власть идеала.

Оставь меня, покоя врагъ угрюмый,
Къ высокому, къ прекрасному любовь!
Ты слишкомъ долго тщетной думой
Младую волновала кровь.
Оставь меня! Волшебными словами
Ты сладкій ядъ во грудь мою вливала.
И въ слѣдъ за свѣтлыми мечтами
Меня отъ міра увлекала.

Итакъ скорѣй теперь туда, въ этотъ настоящій, дѣйствительный міръ!

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино!
Какъ тихій токъ воды забвенья,
Моей души жестокія мученья
На время утолитъ оно.
Пойдемъ туда, гдѣ дышетъ радость,
Гдѣ бурный вихрь забавъ шумитъ,
Гдѣ гласъ души, гдѣ гласъ страстей молчитъ,
Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и младость.

Пусть и ничтоженъ этотъ міръ, но онъ цѣненъ тѣмъ, что даетъ человѣку какъ разъ то, что ему необходимо и что единственно для него возможно, вслѣдствіе отсутствія истиннаго счастья и истинной жизни, даетъ покой, безпечный сонъ души.

Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
На мигъ упившись счастьемъ ложнымъ,
Я пріучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
Съ судьбою примирюсь виномъ.
Я сердца усмирю роптанье,
На тихое небесъ сіянье
Я не велю глазамъ своимъ взирать.

Больно это сдѣлать, тяжело; духъ пылаетъ живымъ, негаснущимъ огнемъ.

Онъ жаждетъ брани и свободы
Онъ жаждетъ бурь и непогоды,
И безпредѣльности небесъ;

но это сдѣлать необходимо, такъ какъ всѣ стремленія, всѣ порывы духа—безплотныя мечты.

Возьмите-жъ отъ меня безплодный сердца жаръ,
Мои мечты, надежды, вспоминанья,
И къ славѣ страсть, и пѣснопѣнья даръ,
И чувствъ возвышеныхъ стремленья,
Возьмите все! Но дайте лишь покой,
Безпечность прежнихъ сновъ забвенья
И тишину души, утраченную мной.

Вотъ какой страстный бунтъ въ душѣ Алексѣя Степановича произвелъ первый взглядъ критическаго мышленія на идеальные порывы, охраняемые сердцемъ. Оказалось на первый взглядъ, что въ душѣ нѣтъ внутренняго богатства, нѣтъ источника живыхъ силъ; все то, что было для сердца дорогого и цѣннаго, что его вдохновляло и ласкало—все это лишь призрачное богатство, все это не болѣе, какъ миражъ, появляющійся предъ воспаленными глазами утомленнаго путника и лишь увеличивающій его жажду. Человѣку остается одна доля—не жить, не волноваться, а искать покоя и забвенья.

Вспомнимъ, къ тому же самому выводу приходилъ и другой нашъ поэтъ—Лермонтовъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.

Но эта жажда покоя, забвенія у Лермонтова не освѣщается сознаніемъ. Въ его душѣ возникаетъ гнетущее, тоскливое состояніе, онъ его чувствуетъ, но не понимаетъ, какъ и почему тоска заполонила его сердце.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.
Что же мнѣ такъ больно и такъ грустно?

Между тѣмъ въ протестѣ Алексѣя Степановича, не смотря на всю его страстность и нервность, изобличается уже мыслитель, логически послѣдовательно проводящій свою мысль до конца и отчетливо вскрывающій всѣ основанія бунтующаго ума. Вопросъ ставится ясно. Идеалъ высокъ и чистъ, но значеніе за нимъ должно остаться только въ томъ случаѣ, если онъ обладаетъ силой, способной перевоплотить сообразно себѣ настоящую дѣйствительность. Между тѣмъ этого не наблюдается; жизнь течетъ своимъ чередомъ, трезво, прозаически. Но идеалъ безъ силы, идеалъ—мечта—безсмысленъ, онъ только увеличиваетъ страданья человѣка, лишая его естественнаго дара—безпечности и наивности, и потому долженъ быть отброшенъ.

Вопросъ о значеніи и цѣнности идеала очень часто ставился и ставится въ настоящее время. Но въ большинствѣ случаевъ мыслители не разрѣшаютъ его, а лишь стремятся тѣмъ или инымъ способомъ затушевать его предъ сознаніемъ, чтобы тѣмъ самымъ ослабить его мучительность для человѣческой души. Такъ, напр., рѣшаютъ его нѣкоторые мыслители слѣдующимъ образомъ (напр., Гюйо, Ланге) Идеалъ дѣйствительно не обладаетъ силой, способной измѣнить обычный ходъ жизни. Въ послѣдней царитъ одинъ законъ—законъ механической причинности. Жизнь—это океанъ, изъ нѣдръ котораго послѣдовательно возникаютъ безчисленные ряды могучихъ, но слѣпо дѣйствующихъ волнъ. Какія бы грандіозныя молы ни сооружалъ человѣкъ, чтобы остановить ихъ бѣшеный натискъ, онѣ въ результатѣ разрушатъ всякое сооруженіе человѣка. Тѣмъ не менѣе идеалъ должно чтить; онъ долженъ быть дорогъ человѣку. Это очагъ, около котораго каждый можетъ согрѣть свои иззябшіе члены; это—грошъ, но грошъ бѣдняка.

Алексѣй Степановичъ не могъ придти къ такому взгляду. Онъ чувствовалъ всю фальшь даннаго отвѣта. Вѣдь если идеалъ безсиленъ въ отношеніи къ дѣйствительности, если онъ— не болѣе, какъ греза, то вопросъ—можетъ ли онъ и ободрить и оживить уставшую душу человѣка, и послужить для него той тихой пристанью, въ которой онъ можетъ укрыться отъ непогоды жизни? Каждый человѣкъ, который, подобно Алексѣю Степановичу, обладая твердой волей, смотритъ на идеалъ, какъ на предлежащую волѣ задачу, и не понимаетъ жизни, ограниченной предѣлами фантазіи, несомнѣнно отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно. Такой человѣкъ живо, на основаніи своего опыта, сознаетъ, что идеалъ, въ качествѣ простой мечты, не только не согрѣваетъ человѣка, а напротивъ заставляетъ его сильнѣе ощутить голодъ жизни. Идеалъ показываетъ человѣку свѣтлый, радостный, чистый міръ, и человѣкъ съ твердой волей чувствуетъ безусловную необходимость осуществленія этого міра. Между тѣмъ это не удается; предъ взоромъ человѣка распростирается міръ дѣйствительной жизни, который по сравненію съ прежнимъ, лучезарнымъ видѣніемъ кажется такимъ ничтожнымъ и низменнымъ; распростирается зрѣлище, отъ котораго человѣкъ естественно стремится укрыться. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ человѣкъ сознаетъ такимъ образомъ непреоборимыя препятствія для своей воли, чувствуетъ, что вся его природа заключена какъ будто въ желѣзные тиски, и это естественно вызываетъ въ его душѣ мучительную боль. Лишь тотъ человѣкъ можетъ принять взглядъ на идеалъ, какъ на грезу, но вмѣстѣ съ тѣмъ грезу дорогую и цѣнную, и не замѣтить всей фальши его, который, какъ человѣкъ пассивнаго типа, не сознаетъ необходимости жить полной и вмѣстѣ цѣльной гармоничной жизнью.

Такимъ образомъ Алексѣй Степановичъ въ силу своихъ природныхъ задатковъ не могъ остановиться на этомъ взглядѣ.

Другіе мыслители совѣтуютъ, чтобы нѣсколько смягчить остроту даннаго вопроса, прибѣгать къ ироніи (напр. Ренанъ). Сущность ихъ отвѣта заключается въ слѣдующемъ. Идеалъ дѣйствительно лишь чудная иллюзія, распростирающаяся

предъ взоромъ человѣка; но зачѣмъ же, сознавая это, страдать и болѣть душой, зачѣмъ бунтовать? Наши страданія въ этомъ случаѣ изобличаютъ, что мы очень серьезно относимся къ жизни. Но такого отношенія не должно быть. Поменьше серьезности и мрачности! Жизнь шутитъ надъ нами, смѣется надъ всѣми нашими высокими и чистыми порывами, разрушаетъ наши мечты, погребаетъ наши вѣрованія;—вѣдь, все умираетъ даже самые боги съ теченіемъ времени укладываются въ саркофаги,—отвѣтимъ же и мы ей шуткой и смѣхомъ. Иронія—вотъ спасительница человѣка!

Иронія дѣйствительно представляетъ собой естественное лѣкарство отъ внутреннихъ страданій. Это давно открыли философы, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся точно согласовать свой внутренній обликъ съ раскрываемымъ міровоззрѣніемъ, очень часто прибѣгаютъ къ этому средству, такъ какъ оно обыкновенно бываетъ очень по душѣ всѣмъ лицамъ твердаго характера. Иронизировалъ Сократъ, иронизировалъ Спиноза, улыбаясь при видѣ, какъ паукъ пожираетъ брошенную ему въ паутину муху, заглушая этимъ смѣхомъ сознаніе, что и его собственную грудь также медленно, но увѣренно точитъ болѣзнь (онъ страдалъ чахоткой). Склоненъ былъ пользоваться иронiей и Алексѣй Степановичъ. Всѣ знакомые видѣли его всегда въ обществѣ веселымъ, смѣющимся и благодушнымъ, даже въ такіе моменты, когда несомнѣнно онъ переживалъ очень тяжолое состояніе. Но и помимо этого одно его собственное письмо къ Самарину по поводу тѣхъ подозрѣній въ политической неблагонадежности, которымъ подпалъ кружокъ славянофиловъ, очень ясно говоритъ, что Алексѣю Степановичу это средство было далеко не безъизвѣстно. „Мы всѣ, писалъ Хомяковъ, находимся подъ подозрѣніемъ злоумышленности. Признаться должно, что постороннему зрителю, неспособному понять ту неволю, въ которой убѣжденія держатъ человѣка, мы всѣ должны представлять характеръ довольно комическій. Иногда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову и освѣжаетъ меня смѣхомъ, хоть, разумѣется, не совсѣмъ веселымъ. Аксаковъ, вѣроятно, нашелъ-бы мало утѣшенія въ ней, но для меня она не совсѣмъ безполезна и

способна придать мнѣ терпѣніе и крѣпость. Я вполнѣ понимаю того австрійца—словака, котораго колотили палками за то, что онъ высунулся изъ фронта, и который хохоталъ подъ палками. Били, били, наконецъ, утомившись, спросили: „чего же ты хохочешь?“—„А какъ же не хохотать? Вѣдь изъ фронта высунулся не я, а мой сосѣдъ“. Въ дѣтствѣ меня забавляло незаслуженное наказаніе, и я часто не хотѣлъ оправдываться, чтобы не лишиться своего внутренняго смѣха.“

Но, не смотря на это, Алексѣй Степановичъ не создалъ своего міровоззрѣнія на тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ иронія. Онъ былъ слишкомъ русскимъ человѣкомъ, чтобы могъ это сдѣлать. Въ чистомъ видѣ подобное міровоззрѣніе проведено у одного Ренана, у котораго, какъ истоваго француза, юморъ и иронія дѣйствительно отличаются смѣющимся, игривымъ характеромъ. Между тѣмъ у русскаго человѣка иронія всегда тяжеловѣсна, его смѣхъ очень недалекъ отъ слезъ. Какъ признается Алексѣй Степановичъ, иронія, хотя и оживляла его душу смѣхомъ, но смѣхомъ не совсѣмъ веселымъ. Поэтому для него иронія могла быть лишь внѣшнимъ, побочнымъ средствомъ, временно употребляемымъ, а не началомъ, гармонично, сливающимся со всей его личностью. Но какъ только временное средство, оно и не могло въ данномъ случаѣ имѣть для него большого значенія. Какъ мыслитель, одаренный даромъ необыкновеннаго логическаго мышленія, онъ стремился не къ временному успокоенію, не къ простому затушевыванію вопроса предъ своимъ сознаніемъ, а къ полному и безусловному его рѣшенію. Какъ мыслитель—логикъ, онъ безстрашно устремился въ самый центръ жаркаго боя; далъ полный просторъ бунту своей души, обрисовалъ вопросъ со всею мучительностью его для человѣческаго сердца.

И онъ вышелъ изъ этого боя полнымъ побѣдителемъ и въ то же время цѣлымъ и невредимымъ; его душа нашла полное удовлетвореніе, отыскала путь, который гармонично привелъ ее къ примиренію съ жизнью, ни на іоту не лишая ее ея идеальныхъ порывовъ, ея любви ко всему высокому и прекрасному.

Что же поддержало его во время этого боя? Что дало ему

возможность пережить мучительное состоянiе и возвыситься надъ нимъ?

1) Прежде всего Алексѣй Степановичъ не могъ вполнѣ согласиться съ первымъ отзывомъ своего критическаго мышленiя, что все его внутреннее богатство есть не болѣе, какъ мимолетная греза или быстро уносящаяся въ даль мечта. Въ немъ не могло не быть по отношенiю къ этому отзыву нѣкоторой доли сомнѣнiя. Его мысль не могла не задать себѣ вопроса: „дѣйствительно ли точно она всмотрѣлась въ идеалъ и всесторонне его освѣтила“? Въ душѣ Алексѣя Степановича были настоящiя подлинныя блестки нравственнаго добра, и это не могло не окрашивать мягкимъ тономъ его самосознанiя. Я разумѣю его нравственную цѣлость, соединенную съ ея залогомъ—чистотой тѣлесной. Единогласныя свидѣтельства объ этомъ всѣхъ лицъ, хорошо знавшихъ Алексѣя Степановича, не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ этомъ. И въ этомъ отношенiи Алексѣй Степановичъ многимъ обязанъ своей матери. Разсказываютъ, что когда оба сына, Θеодоръ и Алексѣй, пришли въ возрастъ „Марья Алексѣевна призвала ихъ и объяснила имъ свой взглядъ на обязанности благовоспитаннаго человѣка, состоявшiй въ томъ, что мужчина, вопреки общепринятымъ понятiямъ о его относительной свободѣ, долженъ также блюсти свою чистоту, какъ и дѣвушки. Поэтому она потребовала отъ сыновей клятвы, что они до брака не вступятъ въ связь ни съ одною женщиной, прибавивъ къ этому, что кто изъ нихъ нарушитъ клятву, тому она откажетъ въ своемъ послѣднемъ благословенiи. И клятва была дана“ [1]). Несомнѣнно, что этотъ завѣтъ горячо любимой матери, матери, которая для Алексѣя Степановича была первымъ идеаломъ, глубоко запалъ въ его душу, и онъ остался ему вѣренъ на дѣлѣ. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ говоритъ о немъ: „Хомяковъ, бывшiй въ молодости гусарскимъ офицеромъ, принимавшiй дѣятельное участiе въ Турецкой компанiи, путешествовавшiй много, сохранилъ строжайшую тѣлесную чистоту до самой своей женитьбы“.

Вотъ это обстоятельство и явилось для Алексѣя Степановича въ моментъ его душевной тревоги тѣмъ опорнымъ пунк-

[1]) Завитневичъ.

томъ, на которомъ онъ могъ нѣсколько укрѣпиться, когда бурный вихрь развелъ въ его душѣ, разрушивъ ея равновѣсіе, сильное волненіе. Критическая мысль, всматриваясь глубже во внутреннюю жизнь, не могла не замѣтить, что не смотря на ея бурный натискъ, душевная цѣлость далека отъ окончательнаго разрушенія, что въ душѣ остается живая идеальная сила, а такъ какъ разумъ всегда требуетъ осязательныхъ доказательствъ, то тѣлесная чистота служила для него въ этомъ случаѣ самымъ надежнымъ показателемъ, что идеалъ вовсе не такъ безсиленъ, какъ это представляется ему на первый взглядъ.

Къ сожалѣнію большинство юношей и ихъ руководителей— матерей и отцовъ, не сознаютъ того огромнаго значенія, которое оказываетъ это обстоятельство на весь складъ духовной физіономіи человѣка, и одни наивно тратятъ свои силы, какъ будто для человѣка одно настоящее да будущее и имѣютъ значеніе, а прошлое безслѣдно погибаетъ, а другіе при этомъ или совсѣмъ не обращаютъ вниманія или для успокоенія своей совѣсти произносятъ одно—другое изрѣченіе изъ прописной морали. Между тѣмъ это обстоятельство необыкновенно важно. Каждый человѣкъ, у котораго нѣсколько развито критическое мышленіе, рано или поздно, въ той или другой формѣ, но неизмѣнно будетъ поставленъ жизнью въ необходимость, такъ сказать, родиться вновь, создать свою личность на вполнѣ сознанныхъ началахъ. Вотъ въ этотъ моментъ, когда разумъ человѣка будетъ всматриваться критически въ пріобрѣтенный духовный матеріалъ и производить его оцѣнку, и получаетъ для человѣка все свое значеніе его прошлое. Обыкновенно въ это время подъ первымъ напоромъ критическаго сознанія всѣ духовныя силы человѣка какъ будто куда то безслѣдно пропадаютъ, настоящее вырисовывается, какъ безсмысленная, тягучая длительность времени, какъ монотонное тиканье часовъ, а будущее принимаетъ видъ неуловимой мечты, и человѣкъ вслѣдствіе этого тревожно и нервно задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ жить? Одно прошлое въ этомъ случаѣ и является для человѣка реальностью, и вотъ если и оно окажется окутаннымъ безпросвѣтной тьмой, если и здѣсь разумъ не усмотритъ

ничего цѣннаго, а увидитъ напротивъ лишь одинъ грязный хламъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что духовное равновѣсіе и гармонія этого человѣка будутъ потеряны навсегда. Вопросъ его задавитъ, онъ измучитъ его своей остротой. При каждомъ случаѣ онъ, какъ неотвязчивая и въ то же время неразрѣшимая задача, будетъ давать человѣку чувствовать все его внутреннее ничтожество, всю его внутреннюю дряблость. Каждый порывъ человѣка къ чему-нибудь высокому и великому будетъ всегда безсильно разбиваться о сознаніе, что это великое недоступно, что между нимъ и человѣкомъ стоитъ стѣна страшная, непреодолимая, о которую можно, сколько угодно, биться лбомъ, но которую пробить нѣтъ никакой возможности.

Во 2) Алексѣй Степановичъ въ силу особеннаго направленія своего самосознанія не могъ также съ безусловной довѣрчивостью отнестись къ первой оцѣнкѣ внутренняго богатства, произведенной критическимъ мышленіемъ. Вспомнимъ, что для Алексѣя Степановича идеалъ всегда воплощался въ живой личности, и потому всегда былъ высшимъ по отношенію къ личности его собственной. Алексѣй Степановичъ не сознавалъ себя внутренно тожественнымъ съ идеаломъ, на всѣ свои высокія стремленія и порывы онъ смотрѣлъ, какъ на должную дань идеалу, причемъ всегда дань очень скромную, очень незначительную. Вслѣдствіе этого, когда въ его душѣ возникло сомнѣніе въ цѣнности идеала, когда идеалъ представился ему на одномъ уровнѣ съ мечтой и грезой, въ его сознаніи, несомнѣнно, вспыхнула мысль, что безсильны лишь его собственныя идеальныя стремленія, безплодны лишь его личные порывы къ высокому и прекрасному, но отсюда еще нельзя заключать къ отрицанію значенія за идеаломъ вообще. Еще вопросъ, насколько эти личныя идеальныя стремленія дѣйствительно цѣнны и чисты, насколько они вѣрно и точно отражаютъ подлинный идеалъ. Можетъ быть, они и дѣйствительно не болѣе, какъ безплодныя мечты, но таковыми и должны быть, такъ какъ не являются безусловно чистыми; въ нихъ, можетъ быть, таится много темнаго, эгоистичнаго, что необходимо должно погибнуть. А потому жизнь, разрушая эти порывы, дѣйствуетъ

въ этомъ случаѣ, можетъ быть, не такъ безсмысленно, какъ это представляется на первый взглядъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ въ ней и проявляется незримое вѣяніе великаго идеала.

Дѣствительно, что представляетъ собою человѣкъ со всѣми своими порывами и стремленіями?

Заря, тебѣ подобны мы,
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

Но если въ человѣкѣ одновременно обитаютъ и небо и адъ, надобно очень внимательно всматриваться въ свои идеалы, какъ бы подъ ихъ покровомъ не зазвучали низменныя страсти.

Итакъ что же нужно дѣлать? Искать въ жизни покоя, безпечнаго сна? Нисколько. Взоръ снова свѣтлѣетъ, набѣжавшій туманъ разсѣевается, путь вдали разстилается ясный. Надобно внимательно всмотрѣться въ взлелѣянный сердцемъ идеалъ, освободить его отъ всѣхъ приросшихъ къ нему сорныхъ травъ. Надобно трудиться, работать надъ собой. Въ душѣ разсѣяны блестки подлиннаго добра, надобно ихъ соединить, придать имъ опредѣленный видъ, и увеличить. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно болѣе чутко относиться къ окружающей жизни и улавливать въ ней каждый проблескъ добра, каждый лучъ свѣта.

Итакъ съ доброй душой снова въ путь!

Въ 1825 году Алексѣю Степановичу пришлось и въ буквальномъ смыслѣ собраться въ путь. Въ своемъ письмѣ отъ 2-го февраля 1825 года Ѳедоръ Степановичъ, жившій въ это время въ Парижѣ, гдѣ онъ служилъ при посольствѣ, просилъ мать, чтобы она дала свое согласіе на заграничное путешествіе Алексѣя Степановича. „Я думаю, писалъ онъ, что Алексѣй лучше всего сдѣлаетъ... если уѣдетъ за границу. Потеря одного года службы не значитъ ничего при теперешнихъ обстоятельствахъ: нужно думать о будущемъ. Я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что при характерѣ брата заграничное путешествіе ему теперь безусловно необходимо. Онъ прозябаетъ въ Петербургѣ. Отъ безпечности и апатіи его характера пропадаетъ безъ пользы дѣятельность его ума, а въ Парижѣ все бы его возбуждало“. Это ходатайство Ѳедора

Степановича, какъ любимца матери, имѣло успѣхъ. Согласіе Марьи Алексѣевны было дано, и Алексѣй Степановичъ отправился за границу, гдѣ онъ и пробылъ 1825 и начало 1826 года.

Это путешествіе принесло Алексѣю Степановичу несомнѣнную пользу. Новизна и разнообразіе впечатлѣній отъ заграничной жизни прежде всего дали возможность естественно улечься волненію въ его душѣ. Въ Парижѣ Алексѣй Степановичъ увлекается театромъ и живописью; послѣдней отдается даже съ такой страстностью, что въ его сознаніи является мысль, что онъ именно и рожденъ для живописи. Съ естественнымъ же прекращеніемъ острой внутренней боли и наступленіемъ въ душѣ мирнаго затишья, его сознаніе начинаетъ явственнѣе улавливать впечатлѣніе отъ тѣхъ силъ, которыя таятся внутри человѣка и создаютъ его духовный обликъ—силъ нравственной и религіозной. Какъ при начавшемся физическомъ выздоровленіи человѣкъ очень живо воспринимаетъ впечатлѣнія отъ вновь интенсивно заработавшей органической силы, что въ другое время сознанію почти совершенно недоступно; такъ и по минованіи духовнаго кризиса нравственная и религіозная силы, возстановляющія психическую организацію человѣка, производятъ на него очень отчетливое впечатлѣніе. Разумѣется, все это происходитъ при одномъ условіи, если человѣкъ одаренъ впечатлительностью и склоненъ къ серьезному и вдумчивому наблюденію надъ собой. Но этими качествами Алексѣй Степановичъ обладалъ въ высшей степени. Вслѣдствіе этого теперь онъ начинаетъ сознавать все значеніе за нравственнымъ и религіознымъ чувствомъ, начинаетъ понимать что они и представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ всѣ цѣнныя явленія въ человѣческой жизни. Созерцая въ августѣ мѣсяцѣ 1826 г. Миланскій соборъ, онъ, какъ впослѣдствіи самъ писалъ Шевыреву, „долго стоялъ предъ этимъ великолѣпнымъ зданіемъ, неподвиженъ отъ удивленія и глубокаго, неизъяснимаго наслажденія. Я не видалъ толпы, которая съ наступленіемъ вечера высыпала изъ домовъ и безпрестанно мелькала на площади... Солнце закатилось, наступила ночная тѣнь и съ нею размышленіе. Я сталъ вопрошать себя и допытываться причины того удовольствія, которое такъ

долго оковало, такъ сказать, всѣ мои чувства". И вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, который онъ нашелъ въ своихъ мысляхъ. „При переходѣ отъ плоскости къ плоскости глазъ требуетъ соразмѣрности въ линіяхъ, гармоніи въ оконечностяхъ для того, чтобы ничто не тревожило его спокойствія. Вотъ почему правильность (симметрія) сдѣлалась необходимою спутницею зодчества. Она не есть идея отвлеченная, одѣтая въ вещественныя формы, но условіе тишины въ нашемъ чувственномъ мірѣ, которая возбуждаетъ силы нравственныя и ведетъ насъ къ высокому познанію самого себя. Не у Римлянъ подражателей, не у Римлянъ, которые дали всѣмъ искусствамъ ложный и превратный смыслъ, должны мы искать первобытной цѣли зодчества и его истиннаго значенія. На берегахъ Нила, въ Индіи, гдѣ люди составили общества, образованныя такъ рано, въ Персіи и, наконецъ, въ землѣ, любимой всѣми искусствами,—Греціи увѣримся мы, что всѣ памятники, которымъ хотѣли придать величіе и красоту, всѣ зданія, которыя могли противиться разрушительной работѣ вѣковъ, были въ тѣснѣйшей связи съ религіей".

Несомнѣнно, здѣсь можно видѣть идею въ ея зародышевомъ состояніи; она еще не раскрылась во всей своей широтѣ и глубинѣ; но важно то, что умъ Алексѣя Степановича уловилъ эту идею. Съ этого момента воспринятыя имъ въ дѣтствѣ сѣмена вѣры и нравственности начинаютъ переходить изъ своего инстинктивнаго, непросвѣтленнаго состоянія въ сознаніе. Умъ Алексѣя Степановича, глубже всматриваясь въ вѣру, начинаетъ отчетливѣе воспринимать ея содержаніе и, восторгаясь глубиной ея отвѣтовъ, свободно и охотно ввѣряетъ себя ея руководительству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомленіе Хомякова съ заграничной жизнью оказало ему несомнѣнно немаловажную услугу и въ дѣлѣ уясненія имъ внутреннихъ основъ русской жизни. Уже однимъ своимъ контрастомъ заграничная жизнь должна была пробуждать въ его душѣ образъ русскаго народа; и если въ это время Алексѣй Степановичъ не успѣлъ вполнѣ отчетливо понять сердце русскаго народа и его духовный обликъ, то во

всякомъ случаѣ онъ живѣе почувствовалъ свою любовь къ нему и ощутилъ его свѣтлыя, идеальныя черты.

По возвращеніи изъ-за границы Алексѣй Степановичъ жилъ нѣкоторое время безъ опредѣленныхъ занятій, вращаясь въ учено-литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы.

Умственная жизнь въ этихъ кружкахъ билась интенсивно. Какъ разсказываетъ Кошелевъ, всѣ члены кружка почти ежедневно видѣлись или у кн. Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. И вездѣ ихъ мысль была занята серьезнымъ дѣломъ. У кн. Одоевскаго, говоритъ Кошелевъ, мы встрѣчали профессора Веланскаго, гр. Вьельгорскаго и другихъ умныхъ людей... У К. А. Карамзиной мы видѣли часто Блудова, Жуковскаго, П. А. Муханова, а изъ женщинъ особенно очаровывала красотою и умомъ дѣвица Россети... Въ Карамзинской гостинной предметомъ разговоровъ были не философскіе предметы, но и не петербургскія пустыя сплетни и розсказни. Литературы, русская и иностранная, важныя событія у насъ въ Европѣ, составляли всего чаще содержаніе нашихъ оживленныхъ бесѣдъ. Эти вечера, продолжавшіеся до позднихъ часовъ ночи, освѣжали и питали наши души и умы, что при тогдашней петербургской душной атмосферѣ было для насъ особенно полезно. Хозяйка дома умѣла всегда направлять разговоры на предметы интересные".

Но если въ гостинной Карамзиной философіи не было дано мѣста, за то во время другихъ интимныхъ бесѣдъ пріятелей она главнымъ образомъ занимала ихъ сознаніе. „Хомяковъ, говоритъ тотъ же Кошелевъ, былъ всегда строгимъ и глубоко вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, а я заклятымъ шеллингистомъ, и у насъ были споры безконечные. Никогда не забуду одного спора, окончившагося самымъ комическимъ образомъ. Проводили мы вечеръ у кн. Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома намъ напомнилъ, что уже поздно и что лучше продолжать споръ у него на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и всетаки его не прерывали; я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, а я

оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стояли, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говоритъ: mein Gott und Herr, was ist denn das? Мы расхохотались, и тѣмъ кончился нашъ споръ". Характеризуя это время, Мухановъ говоритъ: „эта кратковременная эпоха никогда не выйдетъ изъ моей памяти: сколько въ ней было игривости, ума, пылкости и прелести"!

Но еще болѣе могучимъ и грандіознымъ фонтаномъ взымалась умственная жизнь въ литературныхъ кружкахъ Москвы. Это было, по словамъ Погодина „самое жаркое литературное время. Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы. Горе отъ ума Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ (только что возвратившійся изъ своего псковскаго заключенія) читалъ Бориса Годунова, Пророка и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Онѣгина, котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава". „Вечера живые и веселые слѣдовали одинъ за другимъ у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня (Погодина)' у Соболевскаго на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской". Украшеніемъ этихъ собраній былъ Мицкевичъ, блиставшій своими импровизаціями, а знаменитый Глинка разнообразилъ ихъ музыкой. Но истиннымъ кумиромъ этихъ празднествъ былъ, конечно, Пушкинъ, который цѣнился „въ милліонъ" [1]).

Вращаясь въ обществѣ этихъ звѣздъ первой величины и держась въ немъ, по словамъ Погодина, просто безъ притязаній Алексѣй Степановичъ дѣятельно продолжалъ работать надъ собой. Правда, прежняя внутренняя боль временами въ немъ оживаетъ, временами вновь исторгается изъ груди его тревожный вопль о суетности и безсмысліи жизни. Но она принимаетъ въ это время уже нѣсколько иной видъ. Поэтъ не называетъ болѣе идеалъ—и синій сводъ, усѣянный звѣз-

[1]) У Завитневича.

дами, и тлую безмолвной ночи тѣнь измѣнниками; его сознаніе тревожитъ нѣсколько иная мысль. Онъ чувствуетъ свою внутреннюю слабость, проистекающую отъ кратковременности жизни, чувствуетъ холодное вѣяніе приближающейся старости, гасящей въ душѣ всѣ порывы и желанья. Такъ, въ своемъ стихотвореніи „къ В. К." (т. е. къ Василію Степановичу Кирѣевскому, его двоюродному брату и другу, умершему въ 1827 году) онъ пишетъ:

Счастливъ! тамъ персть твоя сокрыта
Отъ стрѣлъ мучительныхъ заботъ,
И отъ судебъ тебѣ защита
Могилы каменный оплотъ.
Но горе мнѣ! Я здѣсь скитаюсь;
Я рабъ судьбины, рабъ страстей,
Въ безсильи гордомъ пресмыкаюсь
Подъ грузомъ тягостныхъ скорбей.
И старость грустная настанетъ,
Она потушитъ жаръ ланитъ,
Морщины по челу протянетъ,
Мой черный волосъ убѣлитъ.
Она холодною рукою
Исторгнетъ изъ груди моей
Мечты, любимыя тобою,
Порывы юношескихъ дней;
Восторги, радости, желанья,—
Отыметъ все...

Вырисовывая предъ собою такъ живо послѣдній естественно-необходимый результатъ жизни, поэтъ въ отчаяніи восклицаетъ („Старость")

Скорѣй, скорѣй сомкнитесь очи:
Зачѣмъ вы смотрите на свѣтъ?
Часы проходятъ, дни и ночи,
И годы за годами вслѣдъ,
А въ мірѣ все, что было прежде,
Желанье жадно, жизнь бѣдна,
И вѣрятъ смертные надеждѣ,
И смертнымъ вѣчно лжетъ она.

Но вмѣстѣ съ этими тревожными образами и думами въ душѣ Алексѣя Степановича возникаютъ и гармоничныя, чудныя видѣнія. Его сознаніе улавливаетъ идеалъ, такой возвышенный и свѣтлый, что его не могутъ омрачить земныя бѣдствія и тревоги; ему рисуется душа невинная, чистая; въ ея взорахъ обращенныхъ къ небу, искрится жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она далека отъ всякаго томленія такъ какъ въ ней нѣтъ ничего эгоистичнаго; на всѣ желанія и земные порывы она смотритъ безстрастно. Вотъ этотъ образъ, обрисованный имъ въ стихотвореніи, посвященномъ сестрѣ („Въ альбомъ сестрѣ").

Не грустью, нѣтъ, но нѣжной думой
Твои наполнены глаза,
И не печали слѣдъ угрюмой—
На нихъ жемчужная слеза.
Когда съ душою умиленной
Ты къ небу взоръ возводишь свой,
Не за себя мольбы смиренной
Ты тихо шепчешь звукъ святой;
Но свѣтлыми полна мечтами,
Паришь ты мыслью надъ звѣздами,
Огнемъ пылаешь неземнымъ
И на печали, на желанья
Глядишь, какъ юный Серафимъ,—
Безсмертный, полный состраданья,
Но чуждый бѣдствіямъ земнымъ.

Этотъ чарующій образъ умиротворяетъ его душу; волненіе въ ней затихаетъ, его порывы и стремленія лишаются своей бурности и страстности, и въ немъ возникаетъ желаніе, которое, повидимому, не имѣетъ впереди никакой опредѣленной цѣли, но которое однако есть дѣйствительное, подлинное желаніе души—желаніе уловить все добро, просвѣчивающее во внѣшнемъ мірѣ, не сообщая ему ни одной эгоистичной черты своей природы.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространства неба обтекать!

Такъ, въ описываемое время въ душѣ Алексѣя Степановича по временамъ снова собираются мрачныя тучи, заволакивающія весь горизонтъ, и изъ его груди раздаются звуки бури и непогоды, временами же тучи разрываются и въ просвѣтахъ виднѣется чистое голубое небо. То юношескіе порывы вдругъ выступятъ въ своемъ естественномъ видѣ со всей страстностью и эгоистичностью—и сознаніе стрѣлой пронижетъ острая боль отъ мысли объ ихъ неосуществимости, то они отступятъ, и душа ловитъ болѣе чистый, болѣе возвышенный идеалъ—идеалъ безкорыстной любви ко всему высокому и прекрасному. Но теперь этотъ идеалъ его еще не принялъ вполнѣ отчетливыхъ формъ. Онъ видитъ его, то созерцая невинные, чистые взоры своей сестры, то наблюдая гармонію явленій природы, то смерть его друга вызываетъ въ немъ стремленіе безкорыстно трудиться надъ осуществленіемъ тѣхъ надеждъ, которыми тотъ жилъ и волновался.

Нѣтъ, страхъ пустой!
Я воскрешу твои мечтанья,
Надежды, сердца жаръ святой,
Волшебной силой вспоминанья,

Я буду жизнью жить двойной;
И, юностью твоею молодъ,
Продливши краткую весну,
Я старости угрюмый холодъ
Отъ сердца бодро отжену,
Не презрю я мечты мгновенной
Восторговъ чистаго огня,
И сонъ, тобою раздѣленный,
Священнымъ будетъ для меня.

Но какъ бы неясенъ и неопредѣленъ ни былъ этотъ идеалъ безкорыстнаго служенія добру, онъ будетъ расти. Алексѣй Степановичъ созналъ, что человѣкъ—„смѣшеніе небесъ и ада", что поэтому чисто природный естественный порывъ въ немъ къ добру подобенъ въ естественномъ состояніи алмазу, его надобно еще отшлифовать и придать форму, чтобы въ немъ заигралъ, переливаясь, свѣтовой лучъ.

Обыкновенно отъ юношескаго идеала человѣку бываетъ очень трудно отказаться въ виду того, что другого идеала ему не предносится; отказъ отъ юношескихъ стремленій ему кажется равносильнымъ отказу вообще отъ разумной и осмысленной жизни. Вспомнимъ, какъ прежде Алексѣю Степановичу, вслѣдствіе сознанія безплодности своей мечты, представлялся неизбѣжнымъ одинъ выходъ—„идти туда, гдѣ не живутъ, а тратятъ жизнь и младость". Теперь же онъ временами постигаетъ, что отреченіе отъ юношескихъ, чисто естественныхъ порывовъ къ прекрасному еще не означаетъ отреченія вообще отъ осмысленной жизни. Возможна великая, сильная жизнь, но въ которой однако нѣтъ той опредѣленности цѣли, которая свойственна юношескимъ влеченіямъ,—возможна жизнь Серафима, который безстрастно смотритъ на всѣ земныя печали и волненія.

Вмѣстѣ съ этимъ Алексѣй Степановичъ, глубже всматриваясь въ свою душу, открываетъ новую причину своихъ внутреннихъ страданій. Ранѣе, да и теперь иногда ему кажется, что внутренняя боль проистекаетъ изъ того, что объективный ходъ жизни не соотвѣтствуетъ стремленіямъ и порывамъ человѣка, что въ жизни природы царитъ какой-то другой за-

конъ, который не желаетъ считаться съ закономъ правды, присущимъ человѣческой личности.

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ изъ колыбели
Воспрянулъ къ юной красотѣ,
И звѣзды стройно полетѣли
Въ небесной синей высотѣ:
Какъ въ бурномъ морѣ за волною,
Шумя къ брегамъ бѣжитъ волна,
Такъ неисчетны надъ землею
Промчались смертныхъ племена;
Возстали, ринулись державы,
Народы сгибли безъ слѣдовъ,
И горькая насмѣшка славы
Одна осталась отъ вѣковъ.

Но кромѣ этой причины, лежащей въ объективномъ ходѣ жизни возможна другая, чисто субъективная причина внутреннихъ страданій человѣка. Въ жизни поэта наблюдается два часа: часъ блаженства и часъ страданія. Поэтъ счастливъ, когда его душа, согрѣтая мгновенною мечтою, свободно въ стройномъ пѣснопѣніи изливаетъ, какъ сладко-звучная волна, свое внутреннее богатство.

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ,
Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

Итакъ, вотъ какая причина внутренняго томленія можетъ быть въ человѣкѣ. Въ его душѣ можетъ таиться рядъ чудныхъ, возвышенныхъ образовъ, и человѣкъ это чувствуетъ, его мысль улавливаетъ возможность новаго свѣтлаго міра; но пока этотъ міръ, какъ волшебное владѣніе, рѣющее въ туманной дали, заставляетъ человѣка лишь страдать; онъ требуетъ себѣ отъ человѣка жизни, проситъ словъ, но ихъ нѣтъ у него,—и новорожденный міръ гибнетъ.

Такимъ образомъ въ описываемое время въ душѣ Алексѣя Степановича наблюдается нѣкоторое колебаніе. Съ одной стороны ему предносится чисто естественный идеалъ, взлелѣянный его сердцемъ еще въ юныхъ лѣтахъ, но этотъ идеалъ не въ состояніи осмыслить его жизни; онъ сознаетъ его неосуществимость, о послѣдней ему говоритъ не только личный опытъ, но и „завѣты древности сѣдой“, опытъ всемірной исторіи. Поэтому, если признать, что все богатство человѣка только и заключается въ этомъ идеалѣ, то каждый человѣкъ долженъ сознать, что его богатство—не болѣе, какъ блестящая мишура, которая не можетъ противостоять бурѣ и непогодѣ; вихрь жизни быстро сорветъ ее, и для человѣка станетъ неизбѣжнымъ одинъ выходъ—ожидать въ томленьи, когда наконецъ замолкнутъ въ его груди всѣ желанья, и океанъ существованья замретъ въ безбрежной тишинѣ“.

Съ другой стороны его душа предвосхищаетъ иной идеалъ, который представляется болѣе высокимъ и болѣе могучимъ. Алексѣй Степановичъ чувствуетъ, что подъ водительствомъ этого новаго идеала жизнь можетъ быть проведена вполнѣ осмысленно; съ нимъ всякій страхъ, навѣваемый жизнью, страхъ пустой: этотъ идеалъ не боится никакихъ земныхъ волненій, такъ какъ стоитъ выше ихъ. Но онъ не ясенъ и потому не можетъ сообщить душѣ дѣйствительной силы. Онъ появляется минутами, и, когда онъ возникаетъ, душа успокоивается; исчезаетъ онъ,—и ее снова начинаютъ терзать прежнія сомнѣнія.

Алексѣй Степановичъ по своимъ природнымъ задаткамъ не могъ идти туда, „гдѣ не живутъ, а тратятъ жизнь и молодость“; пріучить себя „къ ничтожнымъ мечтамъ“ онъ былъ не

въ состояніи, и это тѣмъ болѣе, что ему виднѣлся другой путь—путь проясненія для себя новаго идеала. Естественно на эту сторону и направилась внутренняя работа всѣхъ силъ его души.

Какъ же этого достигнуть?

Новое, смутно предвосхищаемое мыслію, обыкновенно проясняется чрезъ критику прежняго, стараго. Это естественный, всегда и вездѣ наблюдаемый ходъ развитія.

Чтобы прояснить себѣ новый идеалъ, надобно напередъ вскрыть недостаточность прежняго, стараго, надобно показать, чего не даетъ человѣку этотъ идеалъ. Благодаря этому, проясятся глубокія, но вмѣстѣ съ тѣмъ живыя, потребности человѣка; человѣкъ лучше узнаетъ себя, опредѣленнѣе уловитъ и новый идеалъ, отвѣчающій его потребностямъ.

Этотъ путь наблюдается и въ развитіи Хомякова. Еще во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ окончилъ свою трагедію „Ермакъ". Не очень интересная въ чисто художественномъ отношеніи, она представляетъ собой въ высшей степени любопытный памятникъ его духовнаго развитія.

Герой драмы Ермакъ, покоритель Сибири, былъ безусловно идеальнымъ юношей, но идеальнымъ въ смыслѣ естественномъ. Красивый, мужественный, стройный, онъ пламенѣлъ при разсказахъ „о поляхъ крававой брани"; „его душа стремилась къ торжествамъ". Одушевлявшія его высокія чувствованія, свѣтлыя и глубокія думы радовали его отца; смотря на сына, онъ думалъ, что „онъ будетъ щитъ и мечъ земли родной". Но вдругъ все измѣнилось. У Ермака была горячо имъ любимая невѣста, Ольга, которую задумалъ похитить опричникъ. Мстя за честь своей невѣсты, Ермакъ убилъ дерзкаго опричника. Поступокъ, несомнѣнно, благородный; естественное добро въ немъ проявилось во всемъ своемъ блескѣ. Но дѣйствительноли въ этомъ поступкѣ сказалась мощная сила, присущая естественному добру? Не обнаружилось-ли это добро такъ рѣшительно и свободно только потому, что оно встрѣтило благодарную почву для своего проявленія въ другой сторонѣ человѣческой природы? Можетъ быть, при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ оно и смолкло бы?

Дальнѣйшая жизнь Ермака показываетъ, что сила естественнаго добра вовсе не такъ могуча, какъ это можетъ представиться на первый взглядъ.

Убійство опричника сдѣлало жизнь Ермака крайне трудной и тернистой. Вездѣ гонимый, вездѣ преслѣдуемый толпою враговъ, онъ скитается, бродитъ безъ пріюта. Наступаетъ для него такимъ образомъ такое время, когда естественное добро можетъ дѣйствительно обнаружить свою силу. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Ермакъ забываетъ законъ и добродѣтель, вступаетъ въ дружину смѣлыхъ казаковъ и, наконецъ, дѣлается разбойникомъ; его руки обагряются кровью многихъ невинныхъ людей. Отецъ, благословившій ранѣе своего сына, послѣ убійства имъ опричника, теперь предаетъ его проклятію. Въ душѣ Ермака остаются единственно свѣтлыми чертами—отвага, мужество, беззавѣтная удаль. Этими качествами онъ увлекаетъ казаковъ, для нихъ онъ—идеалъ; онъ является имъ,

Какъ нѣкій сынъ возвышеннаго міра;
Безтрепетный, не знающій преградъ,
Непобѣдимый. Онъ все увлекалъ съ собою
И силою, и прелестью рѣчей,
И пламенемъ души непостижимой;
И на его задумчивомъ челѣ,
Казалося, природа положила
Могущества, владычества печать.

Но самъ Ермакъ чувствуетъ, что его жизнь невозможна. Въ немъ проснулась теперь таинственная, молчавшая ранѣе потребность души—быть въ мирѣ и единеніи съ своей семьей, съ своей родиной, и онъ созналъ, что безъ удовлетворенія этой потребности человѣкъ не можетъ существовать. Могущество, власть, слава—все это не даетъ человѣку возможности опредѣлить свою внутреннюю личность; человѣкъ живетъ сознаніемъ, что онъ—сынъ своего отца, членъ своей родины. Между тѣмъ все это теперь невозможно для Ермака; отецъ его проклялъ, родина отвергла. Онъ стонетъ подъ бременемъ такого несчастья!

Проклятіе отца! въ душѣ моей
Ты возлегло, какъ тягостное бремя.
Всегда, вездѣ ты слѣдуешь за мной,
Какъ грозный гласъ неотразимой кары;
Всечасно слухъ тебѣ внимаетъ мой
Средь бурныхъ сѣчъ, среди побѣдныхъ кликовъ,
Среди молитвъ, средь тишины ночной.
Гдѣ отдохнуть? Чѣмъ сердцу возвратится
Невинная безпечность юныхъ дней?
Когда-нибудь въ груди моей усталой
Возстанетъ-ли счастливая заря
И тишины, и мира, и покоя?
Звѣзда отрадъ, средь черныхъ жизни тучъ
Блеснетъ-ли мнѣ твой свѣтлый лучъ?
Воспоминанія! Вы вкругъ меня тѣснитесь,
Пылаете въ сердечной глубинѣ:
И адскій духъ, грядущій вѣстникъ муки,
Тамъ написалъ негаснущимъ огнемъ
Слова: „разбой, убійства и проклятье“:
Забвеніе! вотще зову тебя!
Живешь-ли ты надъ свѣтлыми звѣздами,
Слети ко мнѣ, о, ангелъ тишины!
Слети, коснись холодными перстами
Груди моей, горящаго чела!
Ты лучше счастья; твой сосудъ цѣлебный
Есть неба даръ, всѣхъ лучше благъ земныхъ!
Дай омочить уста въ струѣ волшебной
И совѣстью уснуть хотя на мигъ.

Но совѣсть не засыпаетъ, муки сердца не утихаютъ. Что же дѣлать? Какимъ путемъ достигнуть примиренія и со своей семьей и со своимъ отечествомъ? Неясная надежда свѣтитъ Ермаку, что онъ снова можетъ обнять своего отца и примириться съ родиной путемъ дѣятельнаго раскаянія и очищенія своихъ внутреннихъ стремленій отъ всѣхъ присущихъ имъ эгоистичныхъ чертъ, и Ермакъ рѣшается вступить на этотъ путь. Онъ отказывается отъ своего личнаго счастья, не жаждетъ болѣе „лечь въ могилу со славой и свое громкое имя

передать потомкамъ"; онъ стремится къ одному—покорить Сибирь, чтобы она, подвластная Россіи, цвѣла надъ его гробомъ, не какъ памятникъ славы, а какъ памятникъ его раскаянія, его горючихъ слезъ. И онъ совершаетъ этотъ подвигъ. Предъ покореніемъ столицы Кучума онъ видитъ сонъ, что онъ кладетъ къ стопамъ Іоанна вѣнецъ и всѣ богатства Сибири, и „его рука разрушаетъ приговоръ законовъ строгихъ". Это окрыляетъ Ермака; въ восторгѣ онъ говоритъ своему другу—Кольцо:

О ты! постигъ ли, какъ счастливы мы?
Мой другъ! Мы будемъ вновь сыны Россіи,
Она въ свои объятья приметъ насъ.
У насъ отчизна будетъ, братья будутъ,
Законы, Церковь, Царь, побѣда, гордость, честь.
О край родной! намъ можно будетъ
Тебя своимъ, своимъ назвать,
Жить для тебя и за твое величье
Въ сраженіяхъ славныхъ умирать!

Итакъ вотъ какая потребность въ человѣкѣ является его живой и настоятельной потребностью. Человѣкъ не есть что-либо отвлеченное, онъ имѣетъ свою реальную почву, и съ этой почвой онъ долженъ находиться въ самомъ тѣсномъ единеніи. Онъ живетъ постольку, поскольку связывается гармонично съ семьей, съ родиной и наконецъ со всѣмъ великимъ міромъ, какъ міромъ человѣческимъ, такъ и міромъ нѣмой природы. Поэтому дѣйствительными идеалами, способными нормировать внутреннюю жизнь человѣка, служатъ семья, отечество и, наконецъ, верховный идеалъ, питающій собою первые два, примиряющій человѣка со всѣмъ міромъ—Церковь. Въ чемъ состоятъ эти идеалы, какое ихъ положительное содержаніе?—этого пока еще не видно Они ясны только съ отрицательной стороны; они внутренно единятъ человѣка съ міромъ, а безъ такой связи человѣкъ жить не можетъ. Видѣнъ также и путь къ уясненію этихъ идеаловъ. Они открываются человѣку вслѣдъ за отреченіемъ его отъ своихъ эгоистическихъ чувствованій и стремленій.

Обыкновенно на первыхъ порахъ внутренняя основа жизни въ подлинномъ своемъ видѣ не сознается человѣкомъ. Человѣкъ стремится къ высокому и къ прекрасному, но это высокое и прекрасное ему рисуется, какъ то, что увѣнчиваетъ его голову лавровымъ вѣнкомъ, что возвышаетъ его личность надъ другими и заставляетъ другихъ быть ей покорными. Инстинктивно въ этомъ случаѣ человѣкъ стремится къ единенію съ міромъ; слава является ему тѣмъ началомъ, благодаря которому онъ, соединяясь со всѣмъ человѣческимъ обществомъ, примиряется въ то же время и съ закономъ внѣшней природы—безпрерывнымъ рожденіемъ и смертью. Но выраженное въ такомъ видѣ естественное добро такъ бываетъ хрупко и непрочно, что каждый ударъ можетъ заставить его направиться въ своемъ развитіи на ложный путь. Если въ сознаніи человѣка прекрасное и доброе неотдѣлимо отъ лавроваго вѣнка и безразлично смѣшивается съ нимъ, малѣйшія неудачи въ жизни могутъ погасить въ немъ дѣйствительное добро и пробудить въ его груди одно желанье—желанье власти и силы. Осуществля это желаніе, человѣкъ постепенно будетъ разрушать тѣ узы, которыя соединяютъ его со всѣмъ живущимъ, даже самыя естественныя и природныя, и, направляясь такимъ путемъ, человѣкъ неизбѣжно придетъ къ самому мучительному состоянію—сознанію своего полнаго одиночества,

Итакъ, чтобы достигнуть дѣйствительнаго единенія, надобно очистить свои мечты и стремленія отъ свойственнаго имъ по природѣ эгоизма, надобно сознать добро внѣ соединенія его съ личной славой, съ лавровымъ вѣнкомъ.

Семья, отечество, Церковь—все это суть идеалы, возвышающіеся надъ отдѣльною человѣческою личностью и не сливающіеся безразлично съ ней, а потому они могутъ открыться человѣку и сообщить его душѣ дѣйствительную свою силу лишь въ томъ случаѣ, если онъ служитъ имъ настоящимъ образомъ, служитъ безкорыстно.

Манифестомъ отъ 14 апрѣля 1828 года императоръ Николай Павловичъ призвалъ русскій народъ поднять оружіе „въ оборону святыя Православныя Церкви и любезнаго отечества",—наступила война съ Турціей. Алексѣй Степановичъ

отправился въ ряды дѣйствующей арміи, гдѣ и пробылъ до самаго окончанія войны въ 1829 г., пріѣхавъ на родину лишь на нѣкоторое время весной 1829 г.

Эта война дала возможность Алексѣю Степановичу на дѣлѣ осуществить свою безкорыстную любовь къ отечеству и къ своимъ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ—славянамъ. Благодаря этому, идеалъ беззавѣтнаго служенія добру, ранѣе лишь не ясно улавливаемый, теперь всецѣло овладѣлъ его душой. Его думы прояснились, образы стали болѣе отчетливыми, горизонтъ расширился, а вмѣстѣ съ этимъ Алексѣй Степановичъ почувствовалъ, что будто новая струя живой силы влилась въ его душу, наполнивъ ее той мощью и крѣпостью, которой ранѣе въ ней не было. Не прежнія неопредѣленныя мечтанья волнуютъ теперь его сердце; въ его сознаніи начинаетъ обрисовываться вполнѣ отчетливый взглядъ на свое призваніе. Вотъ что онъ говоритъ о себѣ въ стихотвореніи „Сонъ", написанномъ въ Базарджикѣ 3-го іюля 1828 года:

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли, какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.
И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ,
Въ ней слышенъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Пѣвецъ смолкъ, „могильный хладъ сковалъ его уста"; но и изъ могильной тьмы

Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ,
Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ по прежнему звучалъ.

Съ этого времени въ стихотвореніяхъ Алексѣя Степановича начинаютъ уже отчетливо обрисовываться тѣ думы, всестороннему раскрытію которыхъ посвящена его литературная дѣятельность 40 и 50 годовъ.

Если ранѣе Алексѣй Степановичъ улавливалъ необходимость для всесторонняго и гармоничнаго развитія личности находиться въ тѣсномъ единеніи съ своей отчизной, теперь онъ ясно раскрываетъ причины этого, указывая свѣтлыя идеальныя черты, представляющія внутреннюю основу жизни русскаго народа.

Что даетъ русской народности силу и крѣпость?

1) Прежде всего ея прошлое, ея исторія. Народъ долженъ развиваться органически; его настоящее тогда только будетъ прочно, когда оно будетъ неразрывно соединено съ завѣтами прошлаго времени. Въ стихотвореніи „Клинокъ" Алексѣй Степановичъ сравниваетъ старый мечъ, который „въ порывахъ бурь военныхъ"

По латамъ весело звучалъ
И на главахъ иноплеменныхъ
О Руси память зарубалъ,

съ новыми мечами, съ красивой оправой, которые

Въ златыхъ покояся ножнахъ,
Блистали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши пирахъ.

Въ настоящее время старый мечъ, въ ножнахъ забытый

Рукой слабѣющихъ племенъ,
Давно лежитъ полусокрытый
Подъ ѣдкой ржавчиной временъ

и ждетъ, когда вновь его подниметъ, могучая рука.

И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,
Глубоко врѣжетъ слѣдъ кровавый
Его синѣющая сталь.

Поэтому поэтъ даетъ совѣтъ:

Такъ не бросай клинка стальнаго
Въ отдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья роковаго
Сотри заботливой рукой.

Во 2) силу русскаго народа составляетъ его безкорыстная любовь къ своимъ младшимъ братьямъ. Русскій народъ вы-

росъ, сталъ великимъ и сильнымъ, онъ не долженъ поэтому забывать о своихъ братьяхъ, еще продолжающихъ жить подъ бременемъ рабства и несвободы.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта
О младшихъ братьяхъ не забудь!...
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!

3) Наконецъ, никогда неизсякаемый источникъ силы русскаго народа кроется въ его вѣрѣ.

Гой красна земля Володимира!...
Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому;
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнію, свѣтитъ радостью.
Блещутъ главы церквей золоченыя,
А Господнихъ слухъ да молельщиковъ,
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ.

Вѣра вдохновляла народъ на самоотверженные подвиги, въ то же время даетъ ему возможность совершить ихъ въ сердечной простотѣ, безъ всякой кичливости и самохвальства, вѣра учитъ народъ смиренію, а оно и представляетъ вѣрный путь къ обнаруженію всего духовнаго богатства.

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

Смиреніе русскаго народа и привлекаетъ на него благодать Божію и дѣлаетъ его назначеніе въ міровой исторіи великимъ и знаменательнымъ.

И вотъ, за то, что ты (Русь) смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ...
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

Такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ талантъ Алексѣя Степановича вполнѣ выросъ и окрѣпъ; Алексѣй Степановичъ выступилъ на свой настоящій путь, внутренняя борьба разнородныхъ элементовъ въ его душѣ закончилась; то, что таилось въ смутномъ видѣ въ глубинѣ его души, теперь вступило въ поле сознанія. Въ его стихотвореніяхъ съ 30 по 40 годъ включительно въ поэтическіе образы облеклись уже всѣ тѣ положенія, которыя сдѣлались потомъ предметомъ логическаго раскрытія и научнаго обоснованія въ его прозаическихъ сочиненіяхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. „То, что раньше выступало въ его сознаніи какъ мечта, какъ полетъ фантазіи, ищущей для своего проявленія лишь поэтическаго образа, то позднѣе приняло характеръ серьезной мысли, требующей научнаго, строго логическаго обоснованія; а вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ-художникъ уступилъ мѣсто ученому публицисту, стихотворецъ прозатору“ [1]). Съ этого времени Алексѣй Степано-

[1]) Завитневичъ

вичъ выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ глубокій мыслитель, такъ какъ работа мыслителя и была его дѣйствительнымъ призваніемъ.

Алексѣй Степановичъ не былъ поэтомъ-художникомъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Онъ прекрасно владѣлъ поэтической формой, обладалъ природнымъ и высоко развитымъ художественнымъ тактомъ, многія его стихотворенія поистинѣ прелестны, наконецъ самое его беззавѣтное служеніе такой высокой идеѣ, какъ идея религіозная, носитъ на себѣ поэтическій элементъ. „Тѣмъ не менѣе, какъ справедливо о немъ замѣтилъ Самаринъ, его нельзя назвать художникомъ въ строгомъ значеніи этого слова. Нельзя не потому, чтобы ему недоставало чего-нибудь существеннаго, чтобы быть художникомъ, а наоборотъ: потому что, по обилію другихъ даровъ, онъ не могъ быть только художникомъ, слѣдовательно, не могъ быть и вполнѣ художникомъ. Нельзя про него сказать, чтобы его мысль непремѣнно просилась въ поэтическую форму, чтобы эта форма была ей прирождена и чтобы только въ ней она могла явиться на свѣтъ и узнать себя. Если, какъ намъ кажется, именно въ этой особенности и заключается тайна творческой силы художниковъ, то у Хомякова ея не было“.

Тѣмъ не менѣе поэтическая дѣятельность Алексѣя Степановича оказала ему немаловажную услугу въ дѣлѣ развитія его таланта: Хомяковъ, какъ поэтъ, далъ возможность вырости и сформироваться Хомякову, какъ мыслителю. Не владѣй Алексѣй Степановичъ стихомъ и не отражай онъ волновавшихъ его думъ въ поэтическихъ образахъ, онъ, вѣроятно, не сталъ бы тѣмъ сосредоточеннымъ, глубокимъ и разностороннимъ мыслителемъ, какимъ онъ является впослѣдствіи. Его вниманіе было направлено на самые разнородные предметы, онъ интересовался всѣмъ, и все находило откликъ въ его душѣ; его мысль билась слишкомъ трепетно, слишкомъ страстно. Вслѣдствіе же такой порывистости своего ума онъ не могъ быть усидчивымъ человѣкомъ. Перо и бумага вызывали въ немъ охлажденіе. Онъ самъ часто жалуется на одолѣвавшую его лѣнь. Его друзья, чтобъ заставить его писать, нерѣдко принимали самыя рѣшительныя мѣры, запирали его въ каби-

нетъ и требовали, чтобы онъ записалъ все то, что въ устной рѣчи говорилъ имъ. Поэтому вскипавшія въ немъ мысли оставались бы невыраженными; не получивши опредѣленнаго облика, онѣ бѣжали бы одна за другой, и этимъ лишь утомляли бы его сознаніе. Масса неясныхъ думъ, неотчетливыхъ образовъ, томительныхъ порывовъ лишь измучили бы его душу и окончательно ее обезплодили. Поэзія въ этомъ отношеніи и оказала ему громадную помощь. Она, во 1), дала ему возможность быстро и легко выражать въ образахъ то, что его волновало. Вслѣдствіе этого его сознаніе не томилось подъ тяжестью массы вспыхивавшихъ въ немъ идей, а все болѣе и болѣе крѣпло. Во 2), поэтическій образъ хорошъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность человѣку уловить интимную сторону идеи,—ея отношеніе къ внутреннимъ стремленіямъ и порывамъ человѣка. Эта сторона идеи обыкновенно при чисто логическомъ ея раскрытіи остается незамѣтной, а между тѣмъ она очень важна для всесторонняго ознакомленія съ идеей. Никакая логика не въ состояніи дать человѣку понять всѣхъ достоинствъ и недостатковъ извѣстой идеи, если онъ не одаренъ въ нѣкоторой степени способностью, такъ сказать, одухотворять ее, дѣлать ее для себя живой. Вотъ почему Алексѣй Степановичъ, не уклоняясь въ своемъ развитіи въ сторону, не увлекаясь въ жизни какимъ-либо чуждымъ его духу міровоззрѣніемъ—гегельянствомъ, шеллингіанствомъ или матеріализмомъ, знаетъ однако ихъ всесторонне и знаетъ ихъ именно съ ихъ внутренней стороны.

Алексѣй Степановичъ умеръ 1860 г. 23-го сентября, около 8 часовъ вечера, отъ холеры.
